

Ян Данилов

Код выживания

«Автор»

2026

Данилов Я.

Код выживания / Я. Данилов — «Автор», 2026

2048 год. После неудачного геоинженерного эксперимента озоновый слой разрушен, и уровень ультрафиолета на поверхности Земли вырос в пять—десять раз. Человечество укрылось в городах-куполах, но настоящая катастрофа оказалась не только в небесах: активированный ультрафиолетом древний ретровирус МФ начинает перестраивать геномы животных, растений и людей. Мутации непредсказуемы, часто смертельны, а у выживших вызывают глубокие физические изменения и психические срывы. Лишь человеческий мозг защищён гематоэнцефалическим барьером, но и эта защита не абсолютна. Главная героиня — доктор Алиса Ветрова, молекулярный биолог, изучающая мутагенез. Случайный контакт с мутировавшей птицей заражает её уникальным штаммом вируса. В отличие от других, Алиса сохраняет рассудок, но её тело начинает необратимо меняться: появляются чешуя, перья, когти, обостряются чувства. Она становится химерой — существом на границе двух миров: человеческого и пост-человеческого.

© Данилов Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ян Данилов

Код выживания

Глава

Глава 1

Сирена взвыла в 14:07 по московскому времени. Алиса как раз меняла питательную среду в чашках Петри, когда динамик над головой разразился прерывистым воем, от которого зазвенело в ушах. Она замерла, не донеся пипетку до геля.

— Внимание! — голос диспетчера был ровным, но каким-то слишком механическим, как у автоответчика. — Зафиксирован прорыв защитного купола в секторе семь. Уровень ультрафиолетового излучения превышает допустимый в одиннадцать раз. Всем сотрудникам немедленно укрыться в герметичных помещениях. Повторяю...

Алиса выругалась сквозь зубы. Сектор семь — это её лаборатория. Институт экологической геномики располагался в юго-западной части Москвы, под вторичным куполом, который считался самым надёжным. Но сегодня, видимо, природа решила напомнить, кто здесь главный.

Она бросила взгляд на окно. Стеклопакет был покрыт специальной плёнкой, отфильтровывающей ультрафиолет, но даже сквозь неё небо казалось неестественно белым, как будто кто-то выкрутил яркость до предела. За окном, насколько хватало глаз, простирался город, укрытый геодезическими панелями — словно гигантский парник, спасающий человечество от смертоносного солнца.

— Чёрт, — прошептала она, быстро закрывая чашки крышками и отправляя их в холодильник. — Только не сегодня.

Сегодня у неё был важный эксперимент: она пыталась воспроизвести мутагенный эффект ультрафиолета на культуре клеток дрозофилы, чтобы понять, почему человеческие клетки, прошедшие генную терапию, остаются стабильными, а клетки животных — нет. Три недели подготовки, и теперь всё может пойти прахом из-за какой-то дыры в куполе.

Она выключила микроскоп, защёлкнула крышку ноутбука и уже собиралась направиться в убежище, когда услышала звук, которого не должно было быть.

Хлопанье.

Точнее, не хлопанье, а какой-то шелест, будто кто-то быстро-быстро трясёт листом бумаги. Алиса замерла, прислушиваясь. Звук доносился из вентиляционной шахты в дальнем углу лаборатории.

— Только не это, — пробормотала она, хотя уже догадывалась, что произошло.

При прорыве купола автоматика должна была перекрыть вентиляцию, но, судя по всему, в секторе семь что-то пошло не так. И теперь что-то живое проникло внутрь.

Алиса медленно подошла к решётке. Та была слегка погнута, как будто снаружи на неё давили. За решёткой, в темноте, что-то шевелилось.

— Эй, — тихо сказала она, чувствуя себя глупо. — Кто здесь?

В ответ раздался резкий, пронзительный крик — не то птичий, не то звериный. Алиса отшатнулась. Через мгновение решётка с грохотом отлетела в сторону, и в лабораторию вырвалось существо.

Это была птица. Но какая-то неправильная.

Размером с ворону, но с четырьмя крыльями вместо двух. Основная пара была покрыта тусклыми, почти чёрными перьями, а вторая, меньшая, росла чуть ниже, под странным углом, и перья на ней отливали фосфоресцирующей синевой, как у глубоководной рыбы. Голова птицы

была повернута под неестественным углом, один глаз смотрел прямо на Алису, второй — куда-то в потолок. Клюв был покрыт чешуйками, как у рептилии.

Алиса застыла. Она видела фотографии мутировавших животных, но вживую — впервые. Сердце заколотилось где-то в горле.

— Спокойно, — сказала она, хотя птица её не слушала. — Спокойно.

Существо взмахнуло всеми четырьмя крыльями сразу, поднялось в воздух и заметалось по лаборатории, сшибая пробирки и колбы. Одна из ламп разбилась, посыпались осколки. Алиса пригнулась, прикрыв голову руками. Ей нужно было либо поймать птицу, либо выгнать её обратно в вентиляцию, пока она не уничтожила всё оборудование.

— Марк! — крикнула она, но коллега находился в соседнем кабинете, за герметичной дверью, и вряд ли её услышал.

Птица ударилась о стеклянную перегородку и на мгновение оглушённо затихла, упав на пол. Алиса, не раздумывая, схватила с вешалки лабораторный халат и набросила его на существо. Птица забилась, но халат был плотным, и Алиса, навалившись сверху, прижала её к полу.

— Тише, тише, — прошептала она, чувствуя, как под тканью бьётся чужое сердце. — Я не хочу тебе зла.

Она осторожно приподняла край халата, чтобы посмотреть, не задушила ли птицу. В этот момент та вывернулась, и острый коготь полоснул Алису по тыльной стороне ладони.

Боль была острой, как укол. Алиса вскрикнула, отдёрнула руку. На коже вспухла царапина, из которой тут же выступила кровь. Она смешалась с кровью птицы, которая тоже текла из раны на боку — видимо, та поранилась об осколки стекла.

— Проклятье! — выдохнула Алиса.

Птица, воспользовавшись моментом, вырвалась, взмыла к потолку и скрылась в разбитом окне — том самом, через которое прорвался ультрафиолет. Алиса осталась сидеть на полу, прижимая рану к груди.

Рука горела. Но это было не обычное жжение от пореза. По ладони разливалось странное тепло, как будто под кожу впрыснули что-то горячее. Алиса с ужасом смотрела, как края царапины начали быстро бледнеть, а затем приобрели лёгкий фиолетовый оттенок.

— Нет, — прошептала она. — Нет, нет, нет...

Она знала, что это значит. Она слишком хорошо знала.

Контакт с мутировавшим организмом. Мутагенный фактор.

Через несколько секунд до неё донёсся голос из коридора:

— Алиса! Ты в порядке?

Дверь распахнулась, и в лабораторию вбежал доктор Марк Ильин — высокий, худощавый, с вечно взъерошенными тёмными волосами и очками, сползшими на кончик носа. Он замер на пороге, увидев разгром.

— Что здесь произошло? — спросил он, переводя взгляд с разбитых колб на Алису. — Ты ранена?

Алиса не ответила. Она подняла руку, показывая царапину.

— Марк, — голос её дрогнул. — Я думаю, я только что заразилась МФ.

Марк побледнел.

— Чёрт, — сказал он. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Он бросился к аптечке, висевшей на стене, сорвал её с креплений. Руки у него тряслись, когда он доставал антисептик и бинт.

— Немедленно промой рану, — приказал он. — И нужно сообщить в карантинную службу. Это обязательно.

— Нет! — Алиса резко отдёрнула руку. — Не сообщай.

— Ты с ума сошла? Это протокол. Тебя нужно изолировать, взять анализы, возможно, успеть ввести противовирусные препараты.

— Марк, — Алиса посмотрела ему прямо в глаза. — Ты знаешь, что противовирусные не работают. А если меня заберут в карантин, я уже никогда не выйду оттуда. Ты видел, что происходит с химерами.

Марк замолчал. Он действительно знал. Они оба работали с мутациями, изучали случаи заражения. И оба знали, что официальная медицина бессильна. Карантин был лишь способом изолировать заражённых, а не лечить их.

— Но что ты собираешься делать? — спросил он, сжимая в руке бинт. — Просто сидеть и ждать, пока мутация распространится?

— Я собираюсь изучить её, — ответила Алиса. — Прямо на себе. У меня есть доступ к лаборатории. Я могу выделить вирус, понять механизм. Возможно, я смогу найти способ остановить его.

— Ты спятила, — покачал головой Марк. — Это опасно.

— Опасно то, что происходит снаружи, — Алиса кивнула в сторону окна, за которым бушевала УФ-буря. — А я — учёный. И если у меня есть шанс разобраться в этом, я им воспользуюсь.

Она встала, пошатнулась, но удержалась на ногах. Рука всё ещё горела, но тепло уже начало отступать, сменяясь лёгким онемением.

— Помоги мне, — попросила она, глядя на Марка. — Просто помоги. Не сдавай меня.

Марк колебался. Затем медленно кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Но если увижу, что ты теряешь контроль, я вызову карантин, несмотря ни на что.

— Договорились.

Они вышли из лаборатории. Алиса на ходу обмотала руку бинтом, стараясь не думать о том, что уже начала мутировать. Она знала: времени мало. И знала, что теперь её жизнь изменится навсегда.

Алиса сидела в маленьком помещении, которое они с Марком использовали как комнату отдыха, и смотрела на свою руку. Царапина уже не кровоточила, но кожа вокруг неё приобрела странный, перламутровый оттенок, а края раны стали гладкими, как будто затягивались слишком быстро.

— Дай мне лупу, — попросила она.

Марк, стоявший у стола с ноутбуком, бросил ей увеличительное стекло. Алиса поднесла его к ране и прищурилась. Ей показалось, что на коже начали проступать крошечные чешуйки, похожие на птичьи. Они были полупрозрачными, как ноготь, и переливались при свете лампы.

— Уже есть изменения, — тихо сказала она. — Это быстрее, чем я думала.

— Что именно? — Марк подошёл и наклонился, чтобы рассмотреть.

— Похоже на кератиновые чешуйки. У птиц они покрывают лапы. А здесь — на человеческой коже. Значит, мутация затрагивает гены, отвечающие за ороговение эпителия. МФ, похоже, вошёл в клетки и начал перепрограммировать их.

— Но как он проник? — Марк почесал затылок. — У тебя есть генная терапия, которая усиливает репарацию ДНК. Она должна была блокировать любые попытки вируса изменить геном.

— Должна, — согласилась Алиса. — Но, видимо, этот вирус слишком специфичен. Помнишь, мы обсуждали, что МФ может использовать механизм, похожий на CRISPR? Он вносит двухцепочечные разрывы в ДНК и встраивает свой генетический материал. Наша терапия репарировала разрывы, но при этом может случайно вставить вирусные гены. То есть терапия не защищает, а наоборот, способствует интеграции.

— Это плохая новость, — Марк нахмурился. — Значит, все люди с усиленной репарацией ДНК уязвимы?

— Не все. Только если у них есть определённые рецепторы на клеточной поверхности, которые вирус использует для проникновения. У большинства людей таких рецепторов нет или они заблокированы. Именно поэтому заражения редки, несмотря на огромное количество мутировавших животных.

— Но у тебя они есть?

— Судя по всему, да. — Алиса вздохнула. — Или, может быть, дело в самой птице. Она была сильно мутирована, и её кровь содержала высокую концентрацию вируса. К тому же, контакт был прямым: царапина, смешение крови.

— Тебе нужно срочно взять образец своей крови и выделить вирус, — сказал Марк. — Пока он не распространился по всему организму.

— Уже поздно. Тепло разлилось по всей руке, и я чувствую, как что-то движется под кожей. Вирус, вероятно, уже попал в кровоток.

— Тогда тем более. Нужно понять, с чем мы имеем дело.

Алиса кивнула. Она встала и направилась к двери, ведущей в лабораторию.

— Но туда нельзя, — остановил её Марк. — Там разгром, и, возможно, ещё не устранён прорыв купола.

— УФ-буря продлится ещё несколько часов, но в лаборатории есть фильтры. Я надену защитный костюм. А ещё мне нужно взять образцы тканей птицы — вдруг она оставила перья или кровь.

— Я пойду с тобой.

— Нет. Ты останешься здесь и свяжешься с нашим институтским сервером. Мне нужны данные по всем известным штаммам МФ, особенно тем, что вызывают у людей мутации птичьего типа. Я хочу сравнить геном.

Марк неохотно согласился. Алиса натянула защитный комбинезон из плотной ткани с УФ-фильтром, надела перчатки и респиратор. Её левая рука уже почти не болела, но онемение распространилось до локтя. Она старалась не думать о том, что будет дальше.

Лаборатория встретила её хаосом. Осколки стекла хрустели под ногами, пахло озоном и чем-то горелым. Окно было разбито, но снаружи уже опустили аварийную мембрану — полупрозрачную плёнку, которая блокировала большую часть ультрафиолета, но всё равно в комнате было светло, как в пасмурный день.

Алиса подошла к тому месту, где упала птица. На полу виднелось несколько капель крови — тёмных, почти чёрных. Она аккуратно собрала их ватной палочкой и поместила в стерильный контейнер. Затем подняла с пола одно из фосфоресцирующих перьев — оно было мягким и холодным, как шёлк.

— Марк, — позвала она по внутренней связи. — Я взяла образцы. Сейчас вернусь.

— Хорошо. Я скачал базу данных по МФ. Есть кое-что интересное. Штамм, который вызывает ороговение кожи у людей, был зарегистрирован в прошлом году в Новосибирске. У пациента начали расти чешуйки на руках, но он оставался в сознании и даже сохранил разум. Правда, потом его забрали в секретный карантинный центр.

— Секретный?

— Да, наша база неполная. Но я нашёл отрывочные упоминания о центре «Гармония», где изучают химер. Судя по всему, там пытаются найти способ обратить мутации.

— Или используют их, — пробормотала Алиса. Она вернулась в комнату отдыха и сняла комбинезон. — Ладно, сначала выделим вирус из моей крови.

Марк помог ей набрать кровь из вены. Алиса смотрела, как тёмная жидкость заполняет пробирку, и чувствовала себя подопытным кроликом. Но другого выхода не было.

Она села за микроскоп и начала работу. Часы пролетели незаметно. Алиса забыла о боли и онемении, погрузившись в анализ. Марк сидел рядом, поднося реактивы и записывая данные.

К вечеру они получили первые результаты.

— Это действительно ретровирус, — сказала Алиса, глядя на экран секвенатора. — Его геном содержит фрагменты, гомологичные генам птиц, рептилий и даже некоторых рыб. Но самое интересное — он имеет участки, похожие на CRISPR-кассеты. Вирус, по-видимому, использует собственную систему для направленного встраивания в определённые участки генома хозяина.

— То есть он не случайно вставляет гены, а целенаправленно? — удивился Марк.

— Похоже на то. Он ищет промоторы, активные в клетках кожи, и встраивает туда гены кератина. Поэтому мутации начинаются с кожи. Но если вирус проникнет в другие клетки, он может активировать и другие гены.

— Например, в нервной ткани?

— Надеюсь, нет. Гематоэнцефалический барьер обычно не пропускает такие вирусы. Но если он обойдёт его, последствия будут катастрофическими.

Алиса откинулась на спинку стула. Голова кружилась от усталости, а рука снова начала гореть, но уже по-другому — как будто под кожей что-то шевелилось.

— Марк, — тихо сказала она. — Мне кажется, мутация ускорится.

Марк посмотрел на неё, и его лицо стало серьёзным.

— Что ты чувствуешь?

— Как будто кожа на руке становится твёрже. И... — она замолчала, подняла руку и сняла бинт. — О боже.

Ладонь была покрыта плотными чешуйками, которые уже не выглядели как человеческая кожа. Они были серо-голубыми, с металлическим отливом, и росли прямо из эпидермиса. Алиса сжала пальцы, и чешуйки зашуршали, как змеиная кожа.

— Это необратимо? — спросила она, и в голосе впервые прозвучал страх.

— Не знаю, — честно ответил Марк. — Но нам нужно продолжать. Может быть, если мы найдём способ заблокировать вирусную интеграцию, мы сможем остановить процесс.

Алиса кивнула, хотя в глубине души уже понимала: остановить, возможно, не получится. Остаётся только адаптироваться. Но она не знала, хватит ли у неё сил сохранить рассудок, когда тело начнёт меняться всё сильнее.

Ночь принесла новые изменения. Алиса не спала — она продолжала анализировать геном вируса, пытаясь найти уязвимые места. Марк несколько раз предлагал ей отдохнуть, но она отмахивалась. Сон был роскошью, которую она не могла себе позволить.

К утру её левая рука полностью покрылась чешуёй, а на предплечье появились первые зачатки перьев — тонкие, полупрозрачные, дрожащие при малейшем движении воздуха. Алиса смотрела на них с ужасом и любопытством одновременно. Она понимала, что это уже не просто мутация, а начало трансформации.

— Я чувствую их, — сказала она Марку, который задремал в кресле. — Перья. Они будто бы часть меня. Но это неправильно.

Марк вздрогнул и проснулся.

— Что? Перья уже? — Он подошёл и осмотрел её руку. — Ничего себе. Это быстро.

— Слишком быстро. Я предполагала, что процесс займёт недели, а не часы. Значит, штамм вируса особенно активен. Или мой организм чем-то ускоряет его.

— Может, твоя усиленная репарация ДНК наоборот, помогает вирусу быстрее интегрироваться?

— Вероятно. Наши клетки постоянно восстанавливают повреждения, и вирус использует этот механизм, чтобы встроиться в геном с большей эффективностью. Это как если бы мы сами зашивали вирус в ДНК.

Алиса почесала перья — они отозвались лёгким покалыванием.

— Нужно выяснить, есть ли способ отключить вирусную активность. Может, есть ингибиторы, которые блокируют интегразу.

— Я проверю базу данных по противовирусным препаратам, — сказал Марк. — Но большинство из них нацелены на ВИЧ, а не на этот ретровирус.

— И всё же, давай попробуем. Возможно, что-то из имеющегося сможет замедлить процесс.

Пока Марк работал с ноутбуком, Алиса решила проверить состояние своей психики. Она знала, что химеры часто сходили с ума не из-за физических изменений, а из-за психологического отторжения. Ей нужно было сохранить ясность ума любой ценой.

Она села перед зеркалом и заставила себя посмотреть на руку. Чешуйки переливались при свете лампы, перья на предплечье слегка подрагивали. Это было чуждо, но не уродливо. Скорее, даже красиво, если абстрагироваться.

— Это просто другая форма жизни, — прошептала она. — Моя форма меняется, но я остаюсь собой. Мой мозг не затронут. Я контролирую ситуацию.

Она повторила это несколько раз, как мантру. Потом закрыла глаза и представила, как её нейроны продолжают работать в прежнем режиме, несмотря на изменения в теле. Это помогло.

Внезапно из динамика донёсся голос диспетчера:

— Внимание! УФ-буря закончилась. Прорыв купола устранён. Всем сотрудникам разрешается покинуть убежища. Уровень радиации в норме.

Алиса и Марк переглянулись.

— Что будем делать? — спросил он. — Тебе нужно как-то скрыть руку, если пойдёшь в общую зону.

— У меня есть перчатки, — Алиса достала из шкафчика пару плотных лабораторных перчаток, которые обычно использовала для работы с жидким азотом. Они были достаточно длинными, чтобы скрыть предплечье. — Пока это сработает.

— Но если мутация пойдёт дальше, перчатки не помогут.

— Тогда мне придётся бежать. — Алиса горько усмехнулась. — Но пока попробуем остаться в институте и продолжить исследования.

Они вышли из комнаты отдыха. Коридоры института были пусты — большинство сотрудников всё ещё не вернулись из убежищ. Алиса сжимала левую руку в кармане халата, стараясь не привлекать внимания.

В лаборатории было светло и тихо. Аварийная мембрана всё ещё закрывала окно, но сквозь неё пробивался мягкий утренний свет. Марк включил компьютер и начал поиск ингибиторов. Алиса направилась к холодильнику, чтобы взять образцы своих культур клеток.

Внезапно она остановилась.

— Марк, — позвала она. — Посмотри сюда.

Он подошёл. На полу, возле вентиляционной решётки, лежало ещё одно перо — фосфоресцирующее, с синеватым отливом. Оно было таким же, как у той птицы.

— Она вернулась? — спросил Марк.

— Нет. Это перо, которое я уронила, когда ловила птицу. — Алиса наклонилась и подняла его. — Но оно выглядит иначе.

Действительно, перо светилось ярче, чем раньше, и от него исходило слабое тепло.

— Оно будто бы... живое? — удивился Марк.

Алиса поднесла перо к микроскопу и увеличила изображение. На поверхности пера виднелись микроскопические капсулы, похожие на вирусные частицы. Они были плотно упакованы, как семена в коробочке.

— Это не просто перо, — прошептала она. — Это носитель МФ. Птица оставила его, возможно, специально.

— Специально? Ты думаешь, она переносчик?

— Все мутировавшие животные — потенциальные переносчики. Но чтобы перо высвобождало вирус в окружающую среду — это уже что-то новое. Возможно, вирус эволюционировал, чтобы распространяться через перья и чешуйки.

— Это опасно. Если такие перья попадут в вентиляцию, они могут заразить весь институт.

— Нужно немедленно изолировать образец. И проверить, нет ли ещё перьев в других помещениях.

Они провели следующие два часа, тщательно осматривая лабораторию. Нашли ещё три пера — в шкафу с реактивами, за дверью и на подоконнике. Алиса собрала их в герметичный контейнер и поместила в специальный биологический шкаф с отрицательным давлением.

— Похоже, птица активно разбрасывала перья во время паники, — заключила она. — Вирус распространяется через кератин. Это значит, что любое мутировавшее животное может оставлять заразу на поверхностях.

— Но тогда заражений должно быть гораздо больше, — возразил Марк. — Однако статистика говорит о редких случаях.

— Возможно, вирус нестабилен вне организма и быстро теряет активность. Но при высокой концентрации, как в этих перьях, он может сохраняться дольше.

Алиса записала данные в лабораторный журнал. Её левая рука под перчаткой снова зачесалась, и она с трудом удержалась от того, чтобы снять перчатку и почесать.

— Марк, мне нужно в туалет, — сказала она. — Я проверю руку.

— Будь осторожна. Не снимай перчатку в общих помещениях.

— Знаю.

Алиса вышла в коридор и направилась в дамскую комнату. Там она заперлась в кабинке и медленно стянула перчатку.

Её рука изменилась до неузнаваемости. Вся кожа от кисти до локтя была покрыта плотной чешуёй, а между пальцами появились тонкие перепонки, как у водоплавающих птиц. На предплечье выросли короткие, но настоящие перья, которые топорщились в разные стороны. Большой палец стал длиннее и заканчивался острым когтем.

Алиса смотрела на это и чувствовала, как к горлу подступает тошнота. Это было не её тело. Это было что-то чужое, враждебное, хотя и росло из неё самой.

— Я — это я, — прошептала она, пытаясь успокоиться. — Это просто рука. Остальное тело прежнее. Мозг прежний.

Но в голове уже начали зарождаться сомнения. Если вирус проник в клетки крови, то скоро он разнесётся по всему организму. Что будет, когда мутация затронет лёгкие? Сердце? Лицо?

Она заставила себя дышать ровно. Паника — худший враг. Алиса натянула перчатку обратно и вышла из туалета.

В коридоре её ждал Марк.

— Ты долго, — сказал он. — Я волновался.

— Всё в порядке. Рука... изменилась сильнее.

— Насколько сильнее?

— Появились перепонки и коготь. — Алиса показала через перчатку, согнув пальцы. — Но я всё ещё могу двигать ею.

Марк нахмурился.

— Нам нужно ускорить поиск лечения. Я скачал базу ингибиторов интегразы. Есть несколько препаратов, которые могут сработать.

— Тогда идём в лабораторию. Время не ждёт.

Они вернулись. Алиса села за компьютер и начала анализировать список. Это были в основном экспериментальные препараты, не одобренные для клинического применения. Но выбора не было.

— Есть один, который выглядит перспективным, — сказала она. — «Интеграза-Ингибитор-7», или ИИ-7. Он блокирует фермент, который вирус использует для встраивания в ДНК. Правда, он был разработан для ВИЧ и никогда не испытывался на людях.

— Зато он точно не убьёт тебя? — с сомнением спросил Марк.

— Вряд ли. Максимум — побочные эффекты. Но лучше попробовать, чем смотреть, как моя рука превращается в крыло.

— Согласен. Но где его взять? В институте может быть небольшой запас.

Они обыскали хранилище реактивов. Нашли несколько ампул ИИ-7 — пыльных, но целых. Алиса набрала препарат в шприц и глубоко вздохнула.

— Если это не сработает, у меня останется не так много времени, — сказала она.

— Я верю, что сработает, — ответил Марк, хотя в его голосе не было уверенности.

Алиса вколола препарат в вену на здоровой руке. Сначала ничего не произошло. Затем она почувствовала лёгкое головокружение и слабость.

— Как ты? — спросил Марк.

— Пока не знаю. Подождём.

Они сели и стали ждать. Минуты тянулись, как часы. Алиса внимательно следила за своими ощущениями. Чесотка в левой руке начала уменьшаться, но перья и чешуя не исчезали.

Через час она сняла перчатку. Рука выглядела так же, как в туалете, но зуд прошёл.

— Возможно, препарат замедлил вирусную активность, — предположил Марк. — Но не остановил её полностью.

— Может, нужна большая доза или комбинация с другими препаратами, — Алиса почесала подбородок. — Или вирус уже внедрился в клетки, и теперь они сами производят белки, независимо от вируса.

— Это плохо. Если мутация закрепилась в геноме, то обратить её будет практически невозможно.

— Ну, значит, придётся жить с этим. — Алиса горько улыбнулась. — В конце концов, я всегда хотела иметь крылья.

Марк не засмеялся. Он видел, что Алиса держится из последних сил.

— Давай продолжим исследования, — предложил он. — Может, нам удастся найти способ хотя бы остановить распространение мутации на другие органы.

— Да, — кивнула Алиса. — Это сейчас главное. Если вирус доберётся до мозга, я потеряю себя. А этого я допустить не могу.

Она снова села за микроскоп, и работа поглотила её. Но в глубине души она знала: игра только начинается.

Прошло два дня. Алиса и Марк почти не выходили из лаборатории, питаясь энергетическими батончиками и запивая их холодным кофе. ИИ-7, судя по всему, действительно замедлил вирусную активность: новых мутаций на левой руке не появлялось, но уже существующие оставались. Алиса научилась управляться с изменённой конечностью — коготь на большом пальце оказался довольно удобным для открывания пробирок, а перепонки между пальцами не мешали держать пипетку.

Но её беспокоило другое: вирус мог проникнуть в другие части тела. Каждое утро она тщательно осматривала себя в зеркале. Пока всё было чисто, кроме левой руки. Но страх оставался.

На третий день Марк принёс новости.

— Я вышел в общий коридор, — сказал он, закрыв дверь. — Институт возвращается к работе. И я слышал разговоры: правительство ужесточает карантинные меры. Введут обязательное тестирование на МФ для всех сотрудников.

— Когда? — спросила Алиса.

— Говорят, со следующей недели. У нас мало времени.

— Сколько у нас есть? Два дня? Три?

— Максимум три. После этого тебя выявят и отправят в карантинный центр.

Алиса задумалась. Ей нужно было либо найти способ скрыть мутацию, либо бежать из города. Но бежать с лабораторией, с образцами вируса — это почти невозможно.

— Марк, ты можешь подделать результаты теста? — спросила она.

— Я не хакер. Но у меня есть доступ к лабораторной базе данных. Может, получится изменить записи вручную.

— Попробуй. А я пока продолжу искать способ остановить вирус.

Марк кивнул и углубился в компьютер. Алиса вернулась к анализу генома. Она заметила, что вирус имеет несколько консервативных участков, которые, возможно, отвечают за его способность проникать через гематоэнцефалический барьер. Если найти способ заблокировать эти участки, можно предотвратить поражение мозга.

— Марк, — позвала она. — Посмотри сюда.

Она показала ему последовательность. Марк подошёл, прищурился.

— Это похоже на рецептор-связывающий домен, — сказал он. — Он может взаимодействовать с белками на поверхности эндотелиальных клеток мозга.

— Именно. Если мы создадим антитела, которые будут связывать этот домен, мы сможем нейтрализовать вирус до того, как он проникнет в мозг.

— Но для этого нужна иммунная система, которая вырабатывает такие антитела. Твоя, возможно, уже начала это делать.

— Да, но медленно. Вирус может оказаться быстрее.

Они начали разрабатывать протокол получения моноклональных антител из крови Алисы. Это была сложная процедура, требующая специального оборудования. К счастью, в институте была небольшая лаборатория иммунологии.

— Нужно взять образец твоей крови и выделить В-лимфоциты, — сказал Марк. — Затем гибридизировать их с клетками миеломы, чтобы получить бессмертные линии, продуцирующие антитела.

— Это займёт несколько дней, — вздохнула Алиса. — А у нас их нет.

— Тогда можно попробовать ускорить процесс, используя твои собственные стволовые клетки.

Алиса задумалась. Это был рискованный шаг, но выбора не было.

— Ладно, давай попробуем, — согласилась она.

Они работали без остановки. Алиса сдала кровь, Марк выделил лейкоциты и начал культивирование. К вечеру им удалось получить первые гибридомы. Алиса с надеждой смотрела на пробирки, в которых плавали клетки.

— Если они начнут вырабатывать антитела, мы сможем ввести их обратно в мой организм, — сказала она. — Это может остановить вирус.

— Но антитела не проникнут через гематоэнцефалический барьер, если вирус уже там, — возразил Марк.

— Значит, нужно ввести их интраназально или через спинномозговую жидкость.

— Это опасно.

— Опасно то, что я могу сойти с ума. А это хуже.

Она сняла перчатку и посмотрела на свою мутировавшую руку. Перья стали гуще, а коготь на большом пальце стал острее. Рука уже не казалась чужой — она стала частью Алисы, но это пугало ещё больше.

— Я не позволю вирусу забрать мой разум, — тихо сказала она. — Чего бы это ни стоило. Марк ничего не ответил, только сжал её здоровую руку.

В этот момент в дверь постучали. Громко, настойчиво.

Алиса и Марк переглянулись.

— Кто это? — прошептал Марк.

— Не знаю. Возможно, охрана института. Или кто-то из коллег.

Стук повторился.

— Откройте! — раздался грубый мужской голос. — Санитарная инспекция. У нас приказ проверить лабораторию на предмет мутагенных веществ.

Алиса почувствовала, как сердце уходит в пятки.

— Прячься! — прошептал Марк.

— Куда? Здесь негде.

— В шкаф для реактивов. Быстро!

Алиса, не раздумывая, юркнула в большой металлический шкаф, заполненный бутылками с химикатами. Марк закрыл дверцу и набросил сверху халат.

Затем он глубоко вздохнул и подошёл к двери.

— Сейчас, — сказал он, поворачивая замок.

Дверь распахнулась. На пороге стояли два человека в серых костюмах с эмблемой санитарной службы. У одного был планшет, у другого — сканер.

— Добрый день, — вежливо сказал Марк. — Чем обязан?

— Санитарная проверка, — повторил первый. — В связи с недавним прорывом купола мы обязаны проверить все лаборатории на наличие мутировавших организмов и биологических загрязнений.

— Пожалуйста, — Марк отступил, пропуская их внутрь.

Они начали осматривать помещение, водя сканером по столам, полу, оборудованию. Алиса замерла в шкафу, стараясь не дышать. Она чувствовала, как её мутировавшая рука начинает чесаться, но не смела пошевелиться, чтобы не произвести шума.

Один из инспекторов остановился возле шкафа.

— Здесь что? — спросил он.

— Реактивы, — ответил Марк. — Кислоты, щёлочи. Осторожно, можно обжечься.

Инспектор нахмурился, но всё же отошёл.

— У вас есть разрешение на работу с потенциально опасными биологическими агентами? — спросил второй, листая что-то на планшете.

— Конечно. Институт имеет лицензию третьего уровня биобезопасности.

— Хорошо. Проверьте, чтобы все журналы были заполнены. Мы вернёмся.

Они вышли. Марк закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

— Ушли? — прошептала Алиса из шкафа.

— Да, — выдохнул он. — Можешь выходить.

Алиса выбралась, отряхнулась от пыли.

— Это было слишком близко, — сказала она.

— Они запомнили шкаф. Нам нужно убрать всё лишнее и быть готовыми к повторному визиту.

— У нас нет времени. Завтра они могут вернуться с ордером на обыск.

— Тогда нужно ускорить получение антител.

Они снова погрузились в работу. Алиса знала, что игра идёт по-крупному, и каждая минута на счету. Но она была полна решимости: либо найти лекарство, либо погибнуть, сохранив разум.

Ночь прошла в тревожном ожидании. Алиса и Марк по очереди дежурили у двери, прислушиваясь к шагам в коридоре. Но никто не пришёл. К утру они получили первые положительные результаты: гибридомы начали вырабатывать антитела, специфичные к рецептор-связывающему домену вируса.

— Работает! — воскликнул Марк, глядя в микроскоп. — Они связываются с вирусными частицами и нейтрализуют их.

— Отлично. Теперь нужно ввести их в мой организм. Но сначала проверим на токсичность.

Они провели экспресс-тест на культуре клеток. Антитела не повреждали здоровые клетки. Тогда Алиса решилась на введение.

— Куда? — спросил Марк, держа шприц с раствором.

— Интраназально. Так они быстрее достигнут мозга.

— Хорошо.

Алиса запрокинула голову и втянула жидкость через нос. Ощущение было неприятное, но терпимое. Через несколько минут она почувствовала лёгкое покалывание в области лба, а затем тепло.

— Что-то происходит? — спросила она.

— Пока не знаю. Подождём.

Прошёл час. Алиса внимательно следила за своими ощущениями. Покалывание исчезло, но появилась лёгкая сонливость.

— Я, кажется, хочу спать, — сказала она.

— Это может быть побочный эффект. Ложись, отдохни. Я покараулю.

Алиса легла на диван в углу лаборатории и закрыла глаза. Сон пришёл быстро, но был тревожным. Ей снились огромные птицы с четырьмя крыльями, летящие над разрушенным городом. Они кричали, и этот крик звучал как сирена.

Она проснулась от собственного крика. Марк сидел рядом, держа её за здоровую руку.

— Тише, тише, — говорил он. — Это просто сон.

Алиса села, тяжело дыша. По лицу текли слёзы.

— Я видела... — начала она, но не смогла закончить.

— Что?

— Не помню. Что-то страшное. Как будто я была птицей.

— Это может быть из-за антител. Они могут временно влиять на нервную систему.

— Или вирус уже проник в мозг, — тихо сказала Алиса.

Они посмотрели друг на друга. Марк выглядел испуганным.

— Нужно сделать МРТ, — предложил он. — В институте есть томограф.

— Но как я пойду туда? Меня могут увидеть.

— Ночью, когда все уйдут. Я проведу тебя.

Они дождались ночи. Марк отключил камеры наблюдения в коридоре, ведущем к медицинскому центру, и провёл Алису, закутанную в длинный плащ с капюшоном. Левая рука была плотно перебинтована и спрятана.

В кабинете МРТ было темно и тихо. Алиса легла на выдвижную платформу, и Марк запустил сканирование. Гудение аппарата казалось оглушительным в тишине ночи.

Через полчаса они смотрели на изображения мозга. Алиса вглядывалась в серые контуры, ища признаки вирусного поражения.

— Пока чисто, — сказал Марк. — Нет отёков, нет воспалений. Гематоэнцефалический барьер цел.

— Но сны? — спросила Алиса.

— Может быть, стресс. Или антитела вызывают временные изменения в гипоталамусе.

— Надеюсь, ты прав.

Они вернулись в лабораторию. Алиса чувствовала лёгкое облегчение, но тревога не отпускала. Она знала, что вирус может обойти барьер не сразу, а через несколько дней. Нужно было продолжать лечение.

На следующий день Марк принёс новость: правительство объявило всеобщий карантин в городе. Все передвижения ограничены, все сотрудники институтов обязаны пройти тестирование в течение 24 часов.

— У нас нет времени, — сказала Алиса. — Завтра я не смогу скрыться.

— Тогда нам нужно бежать из города, — ответил Марк. — Сейчас или никогда.

— Куда? В дикую природу? Там уровень ультрафиолета смертелен.

— У тебя есть мутация, которая, возможно, защищает тебя от ультрафиолета. Помнишь, перья содержат меланин и другие пигменты. Ты можешь выжить.

— А ты?

— Я тоже пойду с тобой. У меня есть защитный костюм. И нам нужны образцы, оборудование.

— Это безумие, — покачала головой Алиса. — Но другого выхода нет.

Они начали собираться. Алиса упаковала в рюкзак ноутбук с данными, пробирки с вирусом, антителами, шприцы. Марк взял запас еды и воды, аптечку, портативный источник энергии.

— У меня есть знакомый, который может помочь с транспортом, — сказал Марк. — Он работает в гараже института. Может, удастся достать электромобиль.

— А как мы выберемся из купола? Ворота охраняются.

— Есть технические тоннели, ведущие наружу. Я знаю один, через который вывозят биологические отходы. Он находится в подвале.

— Тогда вперёд.

Они спустились в подвал. Там было темно и пахло плесенью. Марк шёл впереди, освещая путь фонариком. Алиса следовала за ним, сжимая в руке нож для защиты.

Внезапно они услышали шаги.

— Стой, — прошептал Марк, выключая фонарик.

В темноте раздался голос:

— Доктор Ветрова? Доктор Ильин? Выходите. Мы знаем, что вы здесь.

Алиса похолодела. Это были не охранники. Это были люди из «ГенСинтеза» — той самой корпорации, о которой она слышала вскользь. Значит, они уже ищут её.

— Бежим! — крикнул Марк.

Они бросились бежать по тёмному коридору. Пули свистели мимо, высекая искры из стен. Алиса бежала, не оглядываясь, чувствуя, как её мутировавшая рука становится сильнее, быстрее. Коготь на большом пальце цеплялся за выступы, помогая удерживать равновесие.

В конце коридора была дверь. Марк выбил её плечом, и они вывалились наружу, в холодный ночной воздух.

Перед ними простиралась тёмная, безжизненная равнина. Купол остался позади, светясь в темноте, как гигантский парник.

— Теперь мы вне закона, — тяжело дыша, сказал Марк.

— Мы и раньше были вне закона, — ответила Алиса. — Просто теперь это официально.

Она сняла капюшон и посмотрела на звёзды. Они были яркими, не затуманенными атмосферой. И она вдруг поняла, что за пределами купола есть свой мир — дикий, опасный, но свободный.

— Пойдём, — сказала она. — Нужно найти убежище.

Они двинулись в темноту, и их поглотила ночь.

Глава 2

Они бежали, не оглядываясь, пока свет купола не превратился в далёкое тусклое пятно на горизонте. Ночь была безлунной, и лишь звёзды, непривычно яркие, разбросанные по чёрному бархату, давали слабое свечение. Марк спотыкался о корни и камни, но продолжал двигаться вперёд, волоча за собой рюкзак с оборудованием. Алиса шла рядом, прижимая к груди мутировавшую руку, которая теперь ныла тупой, непрекращающейся болью.

— Стой, — выдохнула она, когда они отошли на достаточное расстояние. — Нужно перевести дух.

Марк остановился, тяжело дыша. Он согнулся, уперев руки в колени, и несколько секунд просто пытался восстановить дыхание.

— Мы... мы оторвались? — спросил он, оглядываясь.

— Похоже. Но они могут выслать дрон. Нужно укрыться.

Они осмотрелись. Местность вокруг была каменистой, с редкими чахлыми кустами, которые выглядели так, будто их обожгли кислотой. Вдали темнела полоса леса, но, судя по очертаниям, это были не обычные деревья, а гигантские грибы или что-то подобное.

— Туда, — Алиса кивнула в сторону леса. — Там хотя бы есть укрытие.

Марк кивнул, и они побрели к тёмной кромке. Каждый шаг давался с трудом: земля под ногами была неровной, усыпанной острыми камнями и хрупкими, рассыпающимися в пыль останками каких-то мелких животных. Воздух пах озоном и гнилью.

Когда они вошли под сень леса, Алиса поняла, что ошиблась: это действительно были грибы. Огромные, высотой с трёхэтажный дом, с толстыми, мясистыми ножками и шляпками, которые светились в темноте бледно-зелёным светом. Некоторые из них росли так плотно, что образовывали естественные арки и пещеры. Под ногами хлюпала влажная подстилка из разлагающейся органики.

— Никогда не видела ничего подобного, — прошептала Алиса, с благоговением оглядываясь. — Это экосистема, которая адаптировалась к ультрафиолету.

— И, вероятно, опасная, — добавил Марк. — Не трогай ничего.

Они нашли относительно сухое место под нависающей шляпкой гриба и опустились на землю. Марк достал из рюкзака портативный сканер окружающей среды — небольшое устройство, похожее на пистолет, с дисплеем.

— Уровень УФ сейчас низкий, — сообщил он, глядя на показания. — Ночью можно передвигаться. Но с рассветом будет опасно.

— У нас нет выбора. Нужно найти убежище, где мы сможем переждать день.

Алиса сняла плащ и посмотрела на свою руку. В свете флуоресцирующих грибов изменения выглядели ещё более жутко: чешуя переливалась, перья подрагивали, а коготь на большом пальце отбрасывал тень. Она попыталась пошевелить пальцами — они слушались, но ощущения были странными, будто рука принадлежала кому-то другому.

— Больно? — спросил Марк, заметив её гримасу.

— Нет. Но чувствую, как будто под кожей что-то ползает.

— Это может быть вирус, распространяющийся по тканям. Или нервные окончания перестраиваются.

— Нужно продолжать принимать ингибиторы. И следить за симптомами.

Алиса достала из рюкзака ампулу ИИ-7 и шприц. Марк помог ей сделать инъекцию в здоровую руку. Препарат медленно растёкся по венам, принося лёгкое онемение.

— Если он перестанет действовать, вирус начнёт распространяться с прежней скоростью, — сказала она. — У нас запас всего на несколько дней.

— Тогда нам нужно как можно скорее найти источник новых препаратов или лабораторию, где мы сможем синтезировать антитела.

— Где? В дикой природе? — Алиса горько усмехнулась. — Единственные лаборатории — в городах, под куполами. А мы теперь вне закона.

— Не обязательно. Есть подпольные станции, где химеры живут и работают. Я слышал о них от одного коллеги, который уволился после того, как его брат стал химерой. Говорят, там есть оборудование и даже врачи, которые изучают мутации.

— И ты знаешь, где эти станции?

— Приблизительно. На севере, в районе бывшего научного городка. Там были бункеры ещё до катастрофы.

— Далеко?

— Километров семьдесят. По такой местности — дня три пути, если повезёт.

— У нас нет трёх дней. Если вирус продолжит распространяться, я превращусь в нечто неузнаваемое ещё до того, как мы доберёмся.

Марк замолчал, переваривая услышанное. Затем он полез в рюкзак и достал ноутбук.

— У меня есть спутниковый модем. Может, удастся выйти в сеть и скачать карты, найти ближайшее убежище.

Он открыл ноутбук. Экран засветился, и Марк начал набирать команды. Алиса наблюдала за ним, чувствуя, как усталость наваливается свинцовой плитой. Глаза слипались, но она боялась засыпать: вдруг во сне её разум захватит вирус?

— Есть сигнал, — сказал Марк. — Слабый, но есть. Скачиваю карты.

Алиса прикрыла глаза, но не заснула, а погрузилась в полудрёму. Ей мерещились образы: огромная птица с четырьмя крыльями, летящая над разрушенным городом, и её крик, похожий на сирену. Она вздрогнула и очнулась.

— Что-то случилось? — спросил Марк.

— Просто сон. Продолжай.

Через некоторое время Марк откинулся назад.

— Готово. Карты загружены. Ближайшее подземное убежище — в двадцати километрах к северо-западу. Старый военный бункер. Возможно, там есть припасы и связь.

— Тогда идём туда.

Они поднялись и двинулись сквозь грибной лес. Идти было тяжело: ноги утопали в мягкой губчатой почве, а воздух был тяжёлым от спора. Алиса натянула на лицо шарф, чтобы не вдыхать их.

Внезапно Марк остановился и поднял руку.

— Слышишь?

Алиса прислушалась. Где-то впереди раздавался низкий, вибрирующий гул, похожий на жужжание гигантского насекомого.

— Что это?

— Не знаю. Но лучше обойти.

Они свернули с тропы и углубились в чащу. Гул становился то тише, то громче, словно приближался и удалялся. Алиса почувствовала, как её мутировавшая рука напряглась, коготь царапнул по ткани плаща.

— Моя рука реагирует, — прошептала она. — Как будто чувствует опасность.

— Это может быть инстинкт, заложенный в пересаженных генах. Птицы чувствуют вибрации.

— Тогда лучше прислушаться.

Они пошли в сторону, противоположную гулу. Через несколько минут звук стих. Алиса перевела дыхание.

— Похоже, мы избежали встречи.

— Но что это было? — спросил Марк.

— Возможно, рой мутировавших насекомых. Или какое-то крупное животное. В любом случае, нам не стоит с ним сталкиваться.

Они продолжили путь. Постепенно грибной лес начал редеть, уступая место голым скалам и выжженной равнине. На востоке занимался рассвет. Небо окрасилось в зловещие оранжево-фиолетовые тона — последствия ультрафиолетовых бурь.

— Скоро взойдёт солнце, — сказал Марк. — Нам нужно найти укрытие.

Они увидели впереди нагромождение валунов, образующих нечто вроде пещеры. Подойдя ближе, Алиса заметила, что вход завален обломками, но можно протиснуться.

— Проверь сканером, — попросила она.

Марк направил устройство внутрь. На дисплее высветились показатели: температура, влажность, радиация, УФ.

— Внутри безопасно. УФ почти нет.

Они забрались в пещеру. Внутри было сухо и прохладно. С потолка свисали сталактиты, а пол был устлан мягким песком. Алиса опустилась на землю и с облегчением вытянула ноги.

— Переждём здесь день, — сказала она. — А с наступлением темноты продолжим путь.

Марк согласился. Он достал из рюкзака портативную солнечную батарею и подключил к ноутбуку, чтобы зарядить его. Алиса сняла плащ и осмотрела руку. Она с ужасом обнаружила, что чешуя распространилась выше локтя, а на плече появились новые перья — более крупные и плотные, чем раньше. Кожа вокруг них была красной и воспалённой.

— Марк, посмотри, — позвала она.

Марк подошёл и осмотрел руку. Его лицо стало мрачным.

— Мутация ускоряется. Ингибитор, видимо, теряет эффективность.

— Или вирус мутировал и стал устойчивым.

— Нужно сменить препарат или повысить дозу.

— У нас нет других препаратов. Только ИИ-7.

— Тогда нужно искать помощь как можно быстрее.

Алиса кивнула. Она достала из аптечки бинт и антисептик, чтобы обработать воспалённые участки. Это было бесполезно, но давало иллюзию контроля.

— Марк, — тихо сказала она, — если я начну терять рассудок, если пойму, что вирус проник в мозг... обещаю, что не дам тебе превратиться в чудовище.

Марк посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты не превратишься в чудовище. Ты сильнее этого.

— Но ты должен пообещать.

— Обещаю, — сказал он, хотя в его голосе не было уверенности.

Алиса отвернулась, чтобы скрыть навернувшиеся слёзы. Она не знала, сможет ли сдержать слово, данное самой себе.

Они провели день в пещере, по очереди дежуря у входа. Солнце поднялось высоко, и снаружи стало невыносимо светло — даже сквозь щели в камнях пробивался яркий, обжигающий свет. Алиса несколько раз выглянула наружу, но тут же отдёргивала голову: ультрафиолет слепил, как сварочная дуга.

— Как здесь выживают животные? — удивилась она.

— Они мутировали. У них появилась пигментация, отражающая УФ, или они активны только ночью.

— А люди? Те, кто живёт вне куполов?

— Их почти нет. Большинство погибли в первые годы после катастрофы. Выжили только те, кто успел адаптироваться или нашёл убежища.

— Значит, мы можем встретить людей?

— Возможно. Но не факт, что они будут дружелюбны.

К вечеру, когда солнце начало клониться к закату, они собрались и вышли из пещеры. Воздух стал прохладнее, и идти было легче. Алиса чувствовала, как её мутировавшая рука стала сильнее: коготь был острым, как лезвие, а перья на плече топорщились, словно пытались расправиться. Она по-прежнему могла управлять ею, но временами рука двигалась сама, реагируя на звуки или движения, которых Алиса не замечала.

— Это нервирует, — призналась она. — Как будто у меня появилась вторая воля.

— Это может быть результатом перестройки нервной системы. Мышечные волокна получают новые сигналы.

— Или вирус уже затрагивает периферические нервы.

— Если так, то это только начало.

Они шли всю ночь, останавливаясь лишь на короткие привалы. Местность постепенно менялась: выжженная равнина уступила место холмам, поросшим жёсткой, колючей травой. В траве шуршали какие-то существа, но они не приближались.

На рассвете они достигли окраины разрушенного посёлка. Дома были заброшены, крыши провалились, стены обгорели. Но один из домов, низкий, с толстыми стенами, выглядел относительно целым.

— Там можно укрыться, — сказал Марк, указывая на него.

Они осторожно подошли. Дверь была выломана, внутри — темно и пыльно. Алиса включила фонарик и осмотрелась: комната, заваленная обломками мебели, кухня с ржавой плитой. В углу лежал скелет человека, обглоданный до костей.

— Не лучшее место, — поморщилась Алиса.

— Зато защищённое от солнца.

Они забаррикадировали вход обломками и устроились в дальней комнате. Алиса снова ввела себе ИИ-7, но эффект был слабее: рука продолжала зудеть, а перья на плече начали расти быстрее.

— Препарат перестаёт действовать, — констатировала она. — Нужно искать альтернативу.

— У меня есть идея, — сказал Марк. — В этом посёлке могла быть аптека или медицинский пункт. Там могут быть другие противовирусные препараты.

— Стоит проверить. Но днём выходить опасно.

— Подожди, я схожу. У меня есть защитный костюм с УФ-фильтром.

Алиса хотела возразить, но понимала, что сама не сможет выйти: её мутации делали её более уязвимой к свету? Или наоборот? Она не знала.

— Будь осторожен, — только и сказала она.

Марк надел костюм, взял фонарик и выбрался через заднюю дверь. Алиса осталась одна, прислушиваясь к каждому шороху. Ей было страшно, но она заставляла себя дышать ровно.

Прошло около часа. Внезапно Алиса услышала шаги снаружи. Она замерла, сжав в руке нож.

— Это я, — раздался голос Марка. — Открывай.

Она отодвинула баррикаду. Марк вошёл, тяжело дыша, и бросил на пол рюкзак, набитый какими-то упаковками.

— Нашёл аптеку, — сказал он. — Там было разграблено, но кое-что осталось. Есть противовирусные, антибиотики, болеутоляющие.

Он достал несколько коробок. Алиса начала перебирать их, читая названия. Некоторые были ей знакомы, другие — нет.

— Вот, — она вытащила упаковку с надписью «Рибавирин». — Это противовирусное широкого спектра. Может сработать.

— Но у него сильные побочные эффекты, — предупредил Марк.

— Плевать. Лучше, чем превратиться в птицу.

Она вскрыла упаковку и приняла таблетку, запив глотком воды.

— Теперь остаётся только ждать.

Они сели на пол, прислонившись к стене. Алиса почувствовала, как её тело начало ослабляться — возможно, подействовало успокоительное, которое она тоже выпила.

— Марк, — прошептала она. — Спасибо тебе.

— За что?

— За то, что не бросил меня.

— Я бы никогда тебя не бросил.

Алиса улыбнулась и закрыла глаза. Впервые за долгое время она уснула спокойно, без кошмаров.

Пробуждение было резким, словно кто-то выдернул её из тёмной глубины за волосы. Алиса дёрнулась, хватая ртом воздух, и села, озираясь по сторонам. В комнате было всё так же пыльно и сумрачно, свет пробивался сквозь щели в заколоченных окнах тонкими, почти осязаемыми полосами. Марк сидел у противоположной стены, положив голову на рюкзак, и тихо посапывал. Он выглядел измотанным, но спокойным.

Алиса перевела дыхание и вытерла пот со лба. Сон не был кошмаром, но оставил после себя липкое, неприятное ощущение, будто внутри что-то сместилось. Она взглянула на свою левую руку и замерла.

Чешуя, которая раньше покрывала только кисть и предплечье, теперь поднялась выше, к плечу, и уходила под рукав. Кожа на запястье лопнула, и из трещин выступила сукровица, смешанная с мелкими перьями. Перья стали плотнее, темнее, и на некоторых проступили яркосиние пятна, светящиеся в полумраке. Коготь на большом пальце удлинился на несколько миллиметров, а между пальцами перепонки стали толще, с прожилками, похожими на кровеносные сосуды.

Алиса сжала зубы, чтобы не закричать. Рука выглядела как анатомический экспонат из музея ужасов — чужая, но всё же неотделимая от неё. Она попробовала пошевелить пальцами. Движение получилось плавным, даже слишком плавным, как будто суставы смазали маслом.

— Ты уже проснулась, — раздался голос Марка.

Он поднял голову, протёр глаза и сел, глядя на неё с тревогой.

— Да, — ответила Алиса, не отрывая взгляда от руки. — Кажется, ночью был ещё один скачок.

Марк подполз ближе и осмотрел конечность. Его лицо посуровело.

— Воспаление усилилось, — констатировал он. — И похоже, мутация уже затрагивает лимфатические узлы.

— Откуда ты знаешь?

— Вот здесь, под мышкой, припухлость. — Он осторожно коснулся её плеча. Алиса вздрогнула от боли.

— Да, чувствую. Как будто туда налили свинец.

— Это значит, что вирус распространяется по лимфатической системе. Иммунный ответ есть, но он недостаточен.

— Рибавирин не сработал? — спросила она, вспоминая вчерашнюю таблетку.

— Он мог замедлить репликацию, но не остановить её. К тому же, мы не знаем точную дозировку для этого штамма. Ты можешь навредить себе.

— А что будет, если не лечить? Мутация поглотит меня целиком?

Марк не ответил. Вместо этого он встал, подошёл к окну и выглянул наружу.

— Скоро стемнеет. Нам нужно двигаться к бункеру. Там, возможно, есть лаборатория или хотя бы связь с подземными станциями химер.

— А если нет? — спросила Алиса, но тут же одёрнула себя: отчаяние — плохой советчик.

— Тогда будем искать дальше. Но сидеть здесь и ждать, пока вирус сожрёт твоё тело, — не вариант.

Алиса кивнула. Она с трудом поднялась, опираясь на здоровую руку. Голова кружилась, но это было терпимо. Марк помог ей надеть плащ, и они выбрались из разрушенного дома.

Сумерки сгущались. Небо окрасилось в густой фиолетовый, по краям — оранжевые сполохи. Воздух был прохладным, пахло пылью и какими-то едкими испарениями, доносящимися с востока. Алиса поплотнее закуталась в плащ, чтобы скрыть мутировавшую конечность, хотя понимала, что долго это не сработает.

Они шли по пустым улицам, мимо покосившихся заборов и заросших сорняками палисадников. В некоторых дворах валялись остовы автомобилей, покрытые ржавчиной и птичьим помётом. Над головой изредка пролетали какие-то тени, но они не приближались.

Внезапно Алиса остановилась, прислушиваясь.

— Что такое? — спросил Марк.

— Не знаю. Мне показалось, что я слышу шаги.

Они замерли. Тишина была плотной, как вата, но через несколько секунд откуда-то слева донёсся отчётливый хруст — будто кто-то наступил на битое стекло.

— Быстро, — шепнул Марк и потянул её в проём между двумя домами.

Они прижались к стене, стараясь не дышать. Хруст повторился, затем раздалось низкое, утробное ворчание, от которого у Алисы волосы встали дыбом.

— Собака? — одними губами спросила она.

— Не уверен. Возможно, мутант.

Существо появилось из-за угла: крупное, размером с телёнка, с лоснящейся, покрытой наростами шкурой. Голова была вытянутой, с множеством глаз, расположенных асимметрично — одни смотрели вперёд, другие в стороны. Пасть приоткрыта, из неё капала густая слюна. Оно передвигалось на трёх лапах, четвёртая была атрофированной, висела плетью.

Алиса почувствовала, как её мутировавшая рука напряглась, перья на ней встопорщились. Коготь начал выдвигаться, словно готовясь к атаке.

— Не двигайся, — прошептал Марк, сжимая её здоровую ладонь.

Существо остановилось посреди улицы, поводя головой из стороны в сторону. Ноздри раздувались, втягивая воздух. Затем оно издало протяжный вой, от которого задрожали стены, и двинулось дальше, скрывшись за поворотом.

Алиса выдохнула, только когда шаги затихли.

— Оно нас не заметило? — спросила она.

— Возможно, мы оказались с подветренной стороны. Или твои перья как-то замаскировали запах.

— Вряд ли. Просто повезло.

Они выждали ещё несколько минут, затем осторожно двинулись дальше. На окраине посёлка нашли то, что искали: старую грунтовую дорогу, ведущую на северо-запад. Она была заросшей, но различимой.

— По ней пойдём быстрее, — сказал Марк. — Если не нарвёмся на патруль.

— Патрули здесь? Кто?

— Корпорация или правительство. Они контролируют территории вокруг куполов.

— Тогда нужно держаться подальше от дорог.

— Согласен. Но в темноте можно заблудиться.

Они решили идти параллельно дороге, на расстоянии нескольких десятков метров, ориентируясь по спутниковому навигатору, который Марк настроил на ночь.

Ночь была тяжёлой. Несколько раз они натыкались на колонии светящихся грибов, которые Алиса старалась обходить стороной: от них исходил удушливый запах, а при контакте с кожей могли возникнуть ожоги. Один раз мимо них пронеслась стая мелких существ, похожих

на белок, но с перепончатыми крыльями и острыми зубами. Они не напали, но Алиса заметила, как её рука среагировала раньше, чем она успела подумать: коготь выдвинулся, рука поднялась, готовая ударить.

— Это уже не просто рефлекс, — пробормотала она, опуская конечность. — Рука действует сама.

— Мозжечок перестраивается, — предположил Марк. — Новые нейронные связи образуются быстрее, чем ты успеваешь осознать.

— Я боюсь, что однажды она сделает что-то, чего я не захочу.

— Тогда научись контролировать её. Используй осознанность. Ты учёный, в конце концов.

Алиса горько усмехнулась. Учёный, который не может контролировать собственное тело, — ирония.

На рассвете они увидели бункер. Это было массивное бетонное сооружение, вросшее в холм, с тяжёлой стальной дверью, покрытой ржавчиной и следами от пуль. Вокруг — ни души. Над входом висела покосившаяся табличка с выцветшими буквами: «Убежище № 47».

— Похоже, здесь давно никто не был, — сказал Марк, осматривая дверь.

— Или наоборот, здесь обитают те, кто не хочет гостей.

Они подошли ближе. Дверь была приоткрыта, и в щель просачивался слабый, мерцающий свет — как от лампы, работающей на пределе.

— Странно, — прошептала Алиса. — Электричество? Здесь должен быть генератор.

— Или кто-то живой.

Марк достал нож и осторожно толкнул дверь. Она закрипела, открывая тёмный проход. Изнутри пахло сыростью, ржавчиной и чем-то сладковатым, похожим на гниющие фрукты.

— Идём, — сказал он. — Только тихо.

Они вошли. Внутри было прохладно, но не холодно. Коридор уходил вниз, ступени были скользкими от влаги. Мерцающий свет исходил от ряда ламп, закреплённых под потолком, — они то загорались, то гасли, как будто кто-то дышал.

Алиса сжала фонарик, готовая включить его в любой момент. Рука снова напряглась, перья встопорщились. Она чувствовала запахи, которых раньше не замечала: пыль, металл, машинное масло, а под ними — едва уловимый, но отчётливый запах человека.

— Здесь кто-то есть, — прошептала она.

— Знаю, — ответил Марк. — Держись рядом.

Они дошли до развилки. Один коридор вёл направо, другой — налево. На стене висела потрёпанная карта убежища, но буквы расплылись.

— Куда? — спросил Марк.

— Чувствую, что справа теплее. Возможно, там жилые помещения.

— Ты доверяешь своей интуиции?

— Сейчас — да.

Они повернули направо. Коридор привёл их к массивной двери с круглым штурвалом. На двери были нацарапаны знаки: предупреждение о биологической опасности.

— Это лаборатория? — удивился Марк.

— Или склад. Нужно открыть.

Вдвоём они с трудом повернули штурвал. Дверь со скрежетом отворилась, и в лицо им ударил яркий свет. Алиса зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела комнату, заставленную стеллажами с пробирками, колбами и оборудованием. В центре стоял стол, на котором лежали бумаги, покрытые слоем пыли.

— Это подпольная лаборатория, — прошептал Марк. — Кто-то изучал мутации здесь.

Алиса подошла к столу и взяла одну из бумаг. Почерк был мелким, торопливым. Она прочитала: «Штамм 7-Г вызывает ускоренную кератинизацию. Ингибитор ИИ-7 эффективен

в первые 48 часов, затем вирус мутирует, приобретая устойчивость. Необходима комбинация с антисенс-олигонуклеотидами, нацеленными на консервативные участки генома вируса...»

— Марк! — воскликнула она. — Смотри. Здесь рецепт лечения.

Марк подошёл, взял лист и начал читать. Его глаза расширились.

— Это то, что нам нужно. Но где взять антисенс-олигонуклеотиды?

— Может, здесь есть запасы. Давай искать.

Они начали обыскивать стеллажи. Вскоре Алиса нашла холодильник, в котором лежали запечатанные ампулы с надписями. Одна из них была подписана: «Антисенс-олигонуклеотид против МФ-7Г».

— Есть! — крикнула она. — Похоже, лаборатория использовалась именно для изучения этого штамма.

— Тогда нам повезло. Но нужно проверить, не просрочены ли препараты.

Алиса вскрыла ампулу и посмотрела на раствор. Он был прозрачным, без осадка.

— Выглядит нормально. Но сначала нужно прочитать инструкцию.

Она села за стол и углубилась в бумаги. Марк продолжал осматривать помещение, и вдруг замер.

— Алиса, — позвал он тихо. — Здесь кто-то был недавно.

— Почему ты так решил?

— В углу стоит кружка с недопитым чаем. И она тёплая.

Алиса похолодела. Она подняла глаза и увидела в дальнем углу, за стеллажом, движение. Из тени вышел человек.

Это был старик с длинной седой бородой, одетый в засаленный лабораторный халат. В руке он держал скальпель. Его глаза горели фанатичным блеском.

— Вы кто такие? — спросил он хриплым голосом. — Как вы нашли это место?

Алиса встала, медленно поднимая руки.

— Мы не враги. Я учёный. Меня заразили МФ. Мы ищем помощь.

Старик прищурился, разглядывая её.

— Заразили? Тогда покажи руку.

Алиса, колебавшись, стянула плащ и показала мутировавшую конечность. Старик подошёл ближе, но не опустил скальпель.

— Давно? — спросил он.

— Трое суток.

— Уже поздно. Мутация зашла далеко.

— Но у вас есть антисенс-олигонуклеотиды. Они могут помочь?

Старик рассмеялся — сухим, лающим смехом.

— Помочь? Девочка, эти препараты — экспериментальные. Они могут убить тебя быстрее, чем вирус.

— Но шанс есть?

Старик замолчал, изучая её лицо.

— Шанс есть всегда. Но цена высока. Ты готова заплатить?

Алиса посмотрела на Марка, затем снова на старика.

— Да. Я готова.

Старик кивнул и опустил скальпель.

— Тогда садись. Начнём прямо сейчас.

Старик провёл их вглубь лаборатории, в небольшое помещение, отгороженное пластиковой шторой. Там стояла кушетка, покрытая старой клеёнкой, рядом — стойка с капельницей и набором инструментов. Пахло спиртом и чем-то едким, напоминающим формальдегид.

— Ложись, — приказал он Алисе, кивнув на кушетку. — Руку освободи.

Алиса сняла плащ и осторожно вытянула мутировавшую конечность. В ярком свете ламп она выглядела ещё более чужеродно: чешуя блестела, перья топорщились, воспалённая кожа вокруг них пульсировала. Старик склонился над рукой, разглядывая её с интересом патолого-анатома.

— Любопытно, — пробормотал он. — Интеграция идёт по типу кератиноцитарной дисплазии. Вирус использует промоторы генов цитокератина. Обычно такое наблюдается у рептилий, но у человека — редкость.

— Вы встречали подобное? — спросила Алиса, стараясь не морщиться, когда он прикоснулся к воспалённому участку.

— Несколько раз. В первые годы после катастрофы, когда мутантов отлавливали и привозили сюда на исследования. Но те случаи были менее агрессивными. Ваш штамм, судя по скорости, — новый, возможно, результат рекомбинации с птичьим геномом.

— Мы выделили вирус из крови мутировавшей птицы, — вставил Марк. — Четырёхкрылой, с фосфоресцирующими перьями.

Старик резко обернулся.

— Четырёхкрылой? Вы уверены?

— Да. Она влетела в лабораторию во время УФ-бури.

— Это плохо. Очень плохо. — Старик выпрямился, потирая подбородок. — Значит, вирус достиг стадии, когда вызывает поликрылость. Это мутация, связанная с генами гомеозиса, отвечающими за сегментацию тела. Если он встроится в ваш геном, может начаться неконтролируемый рост дополнительных конечностей.

Алиса почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Но вы сказали, что антисенс-олигонуклеотиды могут помочь.

— Могут. Если мы успеем заблокировать мРНК вируса до того, как он активирует гены гомеозиса. Но вы опоздали: интеграция уже произошла в части клеток. Теперь нужно не просто подавить вирус, а заставить изменённые клетки вернуться к нормальному состоянию или хотя бы остановить их деление.

— И как это сделать?

Старик подошёл к холодильнику, достал ампулу с мутноватой жидкостью и показал её Алисе.

— Вот это — не просто антисенс. Это комбинированный препарат: олигонуклеотид, блокирующий вирусную РНК, и эпигенетический модулятор, который заставляет клетки «забыть» вирусные инструкции. Мы испытывали его на мышах, но до клинических испытаний дело не дошло — финансирование закрыли, а лабораторию законсервировали.

— Почему? — спросил Марк.

— Потому что «ГенСинтез» не заинтересована в лечении. Им нужны химеры как материал для экспериментов. Они уничтожили бы эту лабораторию, если бы знали, что я продолжаю работу.

— Вы один здесь? — Алиса огляделась, словно ожидая увидеть ещё кого-то.

— Один. Уже три года. Живу на старых запасах, иногда выхожу в окрестности за травами и грибами. Связи нет — генератор работает на остатках топлива, его хватает только на освещение и холодильник.

Старик набрал препарат в шприц и подошёл к Алисе.

— Я введу его внутривенно. Будет больно. Возможно, начнутся судороги, жар, галлюцинации. Но это признак того, что препарат работает: иммунная система атакует изменённые клетки.

— А если не выдержу? — спросила Алиса.

— Значит, умрёшь. Или превратишься в нечто, что уже не будет тобой. Выбор за тобой.

Алиса переглянулась с Марком. Тот побледнел, но кивнул.

— Делайте, — сказала она.

Старик обработал вену на здоровой руке, ввёл иглу и медленно нажал на поршень. Жидкость была холодной, она потекла по вене, и Алиса почувствовала, как ледяная волна разливается по телу. Затем началось.

Сначала — жар, поднимающийся от груди к голове, как будто внутри включили печь. Потом — резкая боль в мутировавшей руке, такая сильная, что Алиса вскрикнула и вцепилась в края кушетки. Мышцы свело судорогой, пальцы скрючились, перья на руке встали дыбом, чешуя начала трескаться, из трещин выступила тёмная жидкость.

— Держи её! — крикнул старик Марку.

Марк бросился к Алисе, прижал её плечи к кушетке. Она билась в конвульсиях, из глаз текли слёзы, но сознание оставалось ясным, и она с ужасом наблюдала, как её рука меняется: перья начали выпадать, чешуйки отслаивались, обнажая розовую, кровоточащую кожу.

— Процесс пошёл, — бормотал старик, наблюдая. — Отторжение вирусных тканей. Хорошо. Очень хорошо.

Боль стала невыносимой. Алиса закричала, и в тот же миг перед глазами вспыхнули яркие пятна, комната поплыла, звуки исказились, как в замедленной записи. Она увидела лицо Марка, его губы шевелились, но слов не было слышно. Затем всё погрузилось во тьму.

Очнулась она, судя по ощущениям, через несколько часов. В помещении было темно, горела только слабая лампочка у двери. Алиса лежала на кушетке, укрытая старым одеялом. Рядом, на стуле, дремал Марк. Его лицо было бледным, под глазами залегли тени.

Алиса попробовала пошевелить левой рукой. Она слушалась, но ощущения были странными — как будто рука затекла и одновременно стала легче. Она поднесла её к глазам и увидела, что чешуя и перья исчезли. Вместо них — гладкая, но покрытая шрамами кожа, местами розовая, как после ожога. Пальцы обычные, перепонки нет. Только ноготь на большом пальце остался слегка утолщённым, с едва заметным когтевым следом.

— Марк, — позвала она шёпотом.

Он вздрогнул и проснулся.

— Алиса! Ты очнулась. Как ты?

— Кажется, жива. И рука... она почти нормальная.

Марк наклонился, осмотрел руку.

— Да, вижу. Мутация отступила. Но кожа повреждена, нужно обрабатывать.

— Старик? Где он?

— Ушёл куда-то, сказал, что нужно проверить генератор. Велел не вставать.

Алиса села, преодолевая слабость. Голова кружилась, но это была приятная слабость — как после долгой болезни, когда наступает выздоровление.

— Сколько я была без сознания?

— Часов пять. Ты кричала, потом затихла. Я боялся, что ты не выживешь.

— Я тоже, — призналась она. — Но, похоже, препарат сработал. По крайней мере, частично.

В этот момент вернулся старик. Он вошёл, неся в руках жестяную кружку с дымящейся жидкостью.

— Очнулась, — констатировал он. — Хорошо. Вот, выпей. Это отвар из местных трав, поможет восстановить силы.

Алиса взяла кружку, вдохнула запах — горький, травяной. Сделала глоток. Вкус был неприятный, но она заставила себя выпить.

— Препарат подействовал, — сказала она. — Но почему? Ведь мутация уже закрепилась.

— Антисенс-олигонуклеотиды заблокировали вирусную РНК, а эпигенетический модулятор «перепрограммировал» изменённые клетки, заставив их вернуться к исходному состоянию. Но это не полное излечение. Вирус мог остаться в латентной форме в некоторых клетках, например в стволовых. Если не продолжать лечение, возможен рецидив.

— Сколько мне нужно принимать препарат?

— Пока не знаю. Обычно курс длится не менее двух недель, но у нас нет столько. В холодильнике осталось три ампулы.

— Можно синтезировать ещё?

Старик покачал головой.

— Оборудование частично вышло из строя, реактивы закончились. Я давно не мог проводить синтез. Если бы у меня был доступ к современной лаборатории, я бы воспроизвёл препарат, но здесь — увы.

— Тогда нам нужно добраться до города или до подпольной станции, где есть оборудование, — сказал Марк.

— Подпольные станции? Вы что-то знаете? — оживился старик.

— Нам говорили, что на севере, в районе бывшего научного городка, есть убежища химер с лабораториями.

Старик задумался.

— Возможно. Я слышал о таких местах. Но они хорошо законспирированы. Просто так не найдёте. Нужен проводник или знак.

— А вы можете помочь? — спросила Алиса.

— Я слишком стар для таких походов. Но могу дать координаты одного человека, который знает, как связаться с ними.

Старик порылся в столе и достал потрёпанную записную книжку. Вырвал лист, написал несколько цифр и передал Алисе.

— Это частота и позывной. Человек по имени Леонид. Он сам химера, но разумная. Выходит на связь раз в сутки в определённое время. Если повезёт, ответит.

— Леонид, — повторила Алиса, вспомнив, что уже слышала это имя во время бунта в карантинном центре. — Я знаю его. Или, по крайней мере, встречала.

— Тем лучше. Он поможет.

Алиса спрятала листок. Она чувствовала, как силы постепенно возвращаются, но вместе с ними возвращался и страх: что, если вирус не побеждён? Что, если он дремлет где-то внутри, готовый нанести новый удар?

— Нам нужно уходить, — сказала она. — Скоро рассвет. Мы не можем оставаться здесь днём.

— Верно. Соберите вещи. Я дам вам кое-что ещё.

Старик выдвинул ящик стола и достал небольшой прибор, похожий на портативный анализатор.

— Это экспресс-тест на активность МФ. Показывает концентрацию вирусной РНК в крови. Будете проверять её каждые шесть часов. Если уровень начнёт расти — немедленно ищите помощь.

— Спасибо, — сказала Алиса, принимая прибор.

— Не благодари. Лучше выживи и найди способ остановить эту заразу. И передай Леониду: старый Яков ещё жив.

— Яков? — переспросил Марк.

— Так меня зовут. Доктор Яков Борисович Штерн. Генетик. Один из тех, кто создавал генную терапию для защиты людей. И один из тех, кто виноват в том, что вирус вырвался наружу.

Алиса хотела расспросить подробнее, но старик уже отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Они собрались, попрощались и вышли из бункера в предрассветные сумерки. Небо на востоке уже начало светлеть, окрашиваясь в зловещие багровые тона. Алиса надела плащ, спрятала изуродованную, но теперь хотя бы человеческую руку. Ей казалось, что она стала другой — не только телом, но и сознанием. Она прошла через первый круг ада и выжила. Но впереди были ещё круги.

— Куда теперь? — спросил Марк, глядя на удаляющийся бункер.

— Сначала — найти укрытие на день. Потом — попробуем связаться с Леонидом. Если повезёт, он выведет нас на подпольную станцию.

— А если нет?

— Тогда будем искать сами. Но сначала мне нужно отдохнуть и проверить кровь. Вдруг вирус снова активизировался.

Они двинулись на северо-запад, в сторону холмов, где, по словам Якова, можно было найти заброшенные шахты. Алиса шагала, чувствуя, как каждое движение отдаётся в измученном теле. Но внутри теплилась надежда. Возможно, ещё не всё потеряно.

Они нашли укрытие через час после того, как солнце окончательно взошло. Это была старая штольня, вырубленная в склоне холма, — полуобвалившийся вход, заросший колючим кустарником, и тёмный зев, уходящий вглубь. Марк бросил внутрь камень, прислушался. Тишина.

— Похоже, пусто, — сказал он.

— Или кто-то затаился, — отозвалась Алиса, но всё же шагнула внутрь.

Внутри было прохладно и пахло сырой землёй. Стены штольни были грубо обработаны, на полу валялись обломки рельсов и ржавые инструменты. Видимо, когда-то здесь добывали руду, а потом забросили. Свет проникал лишь на несколько метров, дальше — непроглядная тьма.

— Углубляться не будем, — решил Марк. — Останемся у входа, но так, чтобы снаружи нас не было видно.

Они расчистили небольшую площадку, постелили на землю плащ. Алиса села, прислонившись к стене. Ноги гудели, спина ныла, но это была приятная усталость — физическая, а не та, что разъедала изнутри.

— Проверь кровь, — напомнил Марк, доставая из рюкзака портативный анализатор, который дал Яков.

Алиса кивнула. Она протёрла палец спиртовой салфеткой, уколола его маленьким скарификатором и выдавила каплю крови на тест-полоску. Прибор запищал, на дисплее замелькали цифры.

— Ну? — нетерпеливо спросил Марк.

— Уровень вирусной РНК — двести сорок копий на миллилитр, — прочитала она. — Это низкий показатель, но не ноль.

— Что это значит?

— Что вирус всё ещё присутствует в крови, но его активность подавлена. Препарат Якова сработал, но не добил. Если концентрация начнёт расти, мутация вернётся.

— Нужно будет принимать следующую ампулу через какое-то время. Сколько осталось?

— Две. И неизвестно, как долго они будут действовать.

Алиса убрала прибор и откинула голову, закрыв глаза. Она чувствовала, как по вискам стучит кровь, и внутри, где-то глубоко, всё ещё жил страх — липкий, холодный, словно змея, свернувшаяся под сердцем.

— Марк, — тихо сказала она. — Ты когда-нибудь задумывался, что делает нас людьми? Он сел рядом, прислонившись к той же стене.

— Мозг, сознание, способность к рефлексии, — ответил он после паузы. — Тело вторично.

— Но когда тело перестаёт слушаться, когда оно становится чужим, даже самый рациональный ум может дать трещину. Я почувствовала это там, в бункере, когда рука начала действовать сама, раньше моей воли. Это было... унижительно. Будто я — пассажир в собственном теле.

— Но ты сохранила контроль. Значит, твой мозг сильнее.

— Или просто вирус не успел добраться до него. А если бы успел? Что было бы тогда? Я бы превратилась в существо, которое думает, что оно — это я, но на самом деле уже не я. Страшнее всего — не физическая боль, а потеря идентичности.

Марк помолчал, глядя на полоску света у входа.

— Мы найдём способ, — сказал он наконец. — Яков дал нам ниточку. Леонид, подпольная станция — это не миф. Я верю.

— Откуда у тебя эта вера? — Алиса повернула голову, разглядывая его профиль в полумраке.

— Потому что я видел данные, — ответил он. — Ещё до того, как ты заразилась, я наткнулся на закрытые отчёты. Там упоминались поселения химер, которые не просто выживают, но и строят новую социальную структуру. Они научились жить с мутациями, не сходя с ума. Это даёт надежду.

— Значит, ты знал о них раньше? Почему не сказал?

— Не был уверен. Думал, что это только слухи, пока ты не заразилась. Теперь я понимаю, что это наш единственный шанс.

Алиса хотела возразить, но внезапно её левая рука снова зачесалась. Она инстинктивно поскребла её ногтями, но тут же отдернула пальцы — на коже, там, где прошёл коготь, остались тонкие красные полосы, но в одном месте, у запястья, проступила едва заметная перламутровая точка.

— Марк, — прошептала она. — Смотри.

Он склонился, всматриваясь.

— Что это?

— Не знаю. Похоже на зачаток чешуйки. Но он не растёт.

— Возможно, вирус пытается реактивироваться, но препарат сдерживает его. Нужно принять ещё одну дозу.

— Нет. Подождём. Следующую ампулу нужно колоть не раньше, чем через двенадцать часов после первой. Иначе передозировка.

Алиса сжала руку в кулак, стараясь унять зуд. Он постепенно утих, но ощущение чужеродности вернулось, и она долго смотрела на свою ладонь, будто ожидая, что та снова начнёт меняться.

День тянулся мучительно медленно. Они поели — Марк разогрел на портативной горелке банку тушёнки, которая оказалась в аварийном наборе, — и Алиса заставила себя проглотить несколько ложек. Затем она попыталась заснуть, но сон не шёл: перед глазами мелькали образы, услышанные и увиденные за последние дни. То огромная четырёхкрылая птица с горящими глазами, то старик с скальпелем, то собственная рука, покрытая перьями.

Она провалилась в дрему лишь под утро, когда солнце уже начало клониться к закату. И снова ей приснился сон.

...Она летела. Небо было алым, как раскалённый металл, а внизу простирался мёртвый город — безмолвный, засыпанный пеплом. Ветер свистел в перьях, и это ощущение полёта было настолько реальным, что Алиса закричала от восторга. Но голос её прозвучал как клёкот. Она взмахнула крыльями — их было четыре, две пары, и каждая двигалась независимо. Она повернула голову и увидела, что её тело — птичье, покрытое флуоресцирующими перьями.

В отражении лужи на земле мелькнуло лицо, и это было её лицо, но искажённое, с глазами, расставленными слишком широко, и клювом вместо рта.

— Я — это не я, — прошептала она, но из горла вырвался лишь хриплый крик...

Она проснулась в холодном поту. Марк сидел у входа с биноклем, наблюдая за окрестностями. Услышав её движение, он обернулся.

— Кошмар?

— Да. Снова птица. Будто вирус хочет, чтобы я увидела мир его глазами.

— Это может быть связано с остаточной вирусной РНК в нервных клетках. Даже если барьер не пройден, вирусные белки могут влиять на сенсорные системы.

— Или это просто мой страх, — вздохнула Алиса. — Ладно, сколько времени?

— Почти семь вечера. Солнце садится. Через час можно выходить.

Она кивнула, поднялась, размяла затёкшие конечности. Левая рука всё ещё была покрыта шрамами, но выглядела лучше, чем утром. Перламутровая точка не увеличилась, и зуд почти исчез.

— Пора попробовать связаться с Леонидом, — сказала она, доставая из кармана листок с частотой и позывным. — У нас есть портативная рация?

— Только коротковолновая, в рюкзаке. Работает на расстоянии до тридцати километров. Если он в пределах досягаемости, шанс есть.

Марк достал рацию — компактное устройство с выдвижной антенной. Они вышли из штольни в сгущающиеся сумерки. Воздух был прохладным, но не обжигающим. Алиса надела наушники, настроила частоту.

— Вызываю Леонида. Позывной «Заря-семь». Ответьте. — Она повторила несколько раз, вслушиваясь в шорох помех.

Сначала в ответ была лишь тишина, нарушаемая потрескиванием. Потом, сквозь шум, пробился слабый, но отчётливый голос:

— Здесь Заря-семь. Кто вызывает?

Алиса вздрогнула от неожиданности и радости.

— Это Алиса Ветрова. Я учёный, химера. Мне передал ваши координаты Яков Штерн.

На другом конце замолчали. Затем:

— Яков? Он жив?

— Да, мы видели его в бункере. Он помог нам. Мне нужна помощь — у меня штамм МФ-7Г. Мутация началась, но препарат Якова временно её остановил.

Снова пауза. Алиса уже испугалась, что связь прервалась.

— Вас двое? — спросил наконец голос.

— Да, я и мой коллега Марк Ильин.

— Где вы находитесь?

Алиса передала примерные координаты, которые они определили по навигатору. Леонид, судя по голосу, задумался.

— Это далеко от нас. Но я могу встретить вас на старом карьере в пятнадцати километрах к северо-востоку от вашей точки. Завтра к полуночи. Сможете добраться?

— Постараемся.

— Тогда слушайте: идите только ночью, держитесь низин, избегайте открытых пространств. В том районе активизировались дроны «ГенСинтеза». Если заметите огни — падайте и не двигайтесь, их сенсоры реагируют на тепло и движение.

— Поняла. Спасибо.

— Не благодарите. Просто выживите.

Связь оборвалась. Алиса сняла наушники, перевела дыхание.

— Получилось, — сказала она Марку. — Завтра в полночь, старый карьер.

— Отлично. Тогда у нас есть цель. И у нас есть ночь, чтобы пройти часть пути.

Они собрались и двинулись в путь. Ночь опустилась быстро, и мир снова погрузился в темноту, прорезаемую лишь бледным свечением грибов и редкими вспышками далёких молний на горизонте. Алиса шла, стараясь не думать о том, что ждёт впереди. Её левая рука изредка вздрагивала, но оставалась послушной. Пока.

Глава 3

Ночь была тихой, но эта тишина давила, как толща воды. Алиса и Марк шли по дну неглубокой лощины, стараясь не подниматься на открытые участки. Луна то пряталась за рваными облаками, то выглядывала, заливая землю мертвенным серебром, и тогда тени от кустов становились резкими, словно вырезанными из чёрной бумаги. Алиса то и дело поглядывала на небо, высматривая дроны, но пока их не было.

— Далеко ещё? — спросила она, поправляя лямку рюкзака.

— Если верить навигатору, до карьера километров двенадцать, — ответил Марк, не оборачиваясь. — К рассвету должны успеть.

— Хорошо. А потом?

— Потом найдём укрытие и будем ждать полуночи.

Алиса кивнула, хотя он и не видел. Они прошли ещё с полкилометра, когда она заметила, что её левая рука снова начала чесаться — на этот раз не так сильно, как раньше, но достаточно, чтобы отвлечь. Она сжала пальцы, стараясь не обращать внимания.

— Марк, — позвала она. — Ты не чувствуешь запах?

Он остановился, принюхался.

— Нет. А ты?

— Какой-то сладковатый, как гниющие цветы. И ещё — что-то похожее на птичий помёт.

— Это может быть местная флора. Или следы мутантов.

— Нет, запах резкий, концентрированный. Как будто где-то рядом гнездо.

Марк обернулся, взглядывая в темноту. Они стояли на краю неглубокого оврага, поросшего колючими кустами. За оврагом начиналась роща из низкорослых, искривлённых деревьев, напоминающих обгоревшие столбы.

— Если это гнездо, лучше обойти, — сказал он.

— Подожди, — Алиса схватила его за рукав. — Слышишь?

Оба замерли. Из рощи доносился странный звук — ритмичное шуршание, как будто кто-то скрёб по дереву. Временами оно прерывалось негромким клёкотом, похожим на воронье карканье, но более низким, гортанным.

— Это не птица, — прошептала Алиса. — Или не совсем птица.

— Может, это тот самый химер, о котором предупреждал Леонид? — предположил Марк.

— Откуда здесь химер?

— Некоторые сбегает из карантина. Или их выбрасывают за купол, когда считают ненадёжными.

Алиса вздрогнула. Она вспомнила карантинный центр, который посещала полгода назад в составе комиссии по биоэтике. Тогда ей казалось, что эти люди — просто больные, которых нужно лечить. Но теперь, когда она сама стала одной из них, она понимала, насколько это сложно.

— Давай подойдём ближе, — предложила она, подчиняясь какому-то внутреннему порыву. — Мне нужно увидеть.

— Ты с ума сошла? Это опасно.

— Возможно, но если я пойму, что происходит с разумом химер, я смогу понять, что происходит со мной. А это сейчас важнее всего.

Марк хотел возразить, но, взглянув в её глаза, лишь вздохнул и достал нож.

— Ладно. Только тихо.

Они крались между деревьями, стараясь не наступать на сухие ветки. Запах усиливался, становился приторным, тошнотворным. Алиса прижала край шарфа к носу, но это мало помогло.

На небольшой поляне, окружённой сломанными стволами, они увидели его. Человек — или то, что когда-то было человеком, — сидел на корточках спиной к ним. Его тело было частично покрыто перьями, как у крупной птицы, но руки оставались человеческими, только пальцы заканчивались короткими когтями. На спине, между лопатками, топорщились два нелепых, недоразвитых крыла — слишком маленьких, чтобы поднять его в воздух, но всё же они слегка подрагивали, когда он двигался.

Перед ним возвышалась груда веток, костей и обрывков ткани — нечто среднее между гнездом и шалашом. Он аккуратно, методично укладывал ветку за веткой, временами замирая и склоняя голову набок, будто прислушиваясь к чему-то. Затем он начинал раскачиваться и издавать тот самый гортанный клёкот.

Алиса смотрела, не в силах оторваться. В этом поведении было что-то завораживающее и одновременно глубоко трагическое. Человек не просто потерял рассудок — он обрёл другой рассудок, подчинённый инстинкту, который для него стал смыслом.

— Что он делает? — еле слышно спросил Марк.

— Строит гнездо, — ответила Алиса. — Инстинкт. Вирус встроил ему гены птиц, отвечающие за репродуктивное поведение. Его мозг получил сигнал «строй гнездо», и теперь он не может делать ничего другого.

— Но почему он не пытается уйти, искать еду, воду?

— Потому что для него это важнее. Инстинкт подавил все остальные потребности. Его сознание, возможно, всё ещё где-то там, но оно захвачено навязчивой программой.

Она вспомнила случай из карантинного центра: мужчина, который беспрерывно ходил по кругу, чертя на полу восьмёрки. Врачи говорили, что это проявление поражения мозга, но Алиса тогда подумала, что это может быть эхолокация — как у летучих мышей. Мутация дала ему новые органы чувств, и он, не понимая их, пытался «настроиться» на незнакомые сигналы.

— Безумие химер — не просто хаос, — прошептала она, формулируя мысль. — Это результат конфликта между старой нервной системой и новыми сенсорными входами. Мозг получает сигналы, которых не может интерпретировать, и пытается найти им объяснение, создавая ложные паттерны. Отсюда — навязчивые действия, ритуалы, галлюцинации.

— Значит, если ты сможешь понять свои новые ощущения, ты не сойдёшь с ума? — спросил Марк.

— Надеюсь. По крайней мере, это даёт шанс.

Химер внезапно замер, затем медленно повернул голову. Его глаза блеснули в темноте, как у кошки. Алиса инстинктивно пригнулась, но было поздно — он их заметил. Однако он не бросился на них, не закричал. Он просто смотрел, склонив голову, а потом снова вернулся к своему гнезду, будто люди были лишь помехой, не стоящей внимания.

— Уходим, — прошептала Алиса, пятясь.

Они отступили в темноту, и ещё долго слышали за спиной ритмичное шуршание.

Когда они отошли на достаточное расстояние, Алиса остановилась, прижавшись к стволу дерева, и глубоко задышала.

— Это было... — она не могла подобрать слово.

— Странно, — закончил Марк. — Он даже не попытался напасть.

— Потому что его инстинкт не агрессивный, а гнездовой. Но это не значит, что другие химеры безобидны. Если инстинкт будет хищническим, человек может превратиться в охотника.

— Как ты? — тихо спросил Марк.

Алиса не ответила. Она вспомнила, как её рука сама выдвинула коготь при встрече с мутантом. Возможно, где-то внутри неё уже проснулся другой инстинкт, и вопрос лишь в том, сумеет ли она его обуздать.

— Нам нужно двигаться, — сказала она, отталкиваясь от дерева. — Скоро рассвет.

Они продолжили путь, но теперь каждый шорох в темноте казался Алисе знаком чужого разума, и она прислушивалась к себе, стараясь различить, где заканчивается её воля и начинается нечто иное.

До карьера они добрались, когда небо уже начало сереть. Утренние сумерки размыли тени, и местность стала видимой: впереди простирался глубокий котлован с крутыми, осыпающимися стенками, на дне которого блестела тёмная вода. Вокруг не было ни души, только ветер гулял по пустым пространствам.

— У нас есть время до полуночи, — сказал Марк, оглядываясь. — Надо найти укрытие.

Они спустились в неглубокую расщелину на склоне, заросшую кустарником, и устроились там. Алиса проверила кровь — уровень вирусной РНК остался прежним, около двухсот сорока копий. Это обнадеживало.

— Следующую ампулу примем вечером, — сказала она, пряча анализатор. — Если вирус не активизируется, продержимся до встречи.

— А если активизируется? — спросил Марк, раскладывая на камне скудный паёк.

— Тогда придётся рисковать. Но я чувствую себя пока нормально. По крайней мере, рука не меняется.

Она стянула перчатку и осмотрела конечность. Шрамы начали бледнеть, кожа приобретала обычный цвет. Единственное, что осталось, — лёгкое утолщение на большом пальце и едва заметная сетка тонких линий, как после сильного обморожения.

— Я почти поверила, что могу вернуться к прежней жизни, — задумчиво произнесла она.

— А разве нет?

— Не знаю. Даже если вирус удастся полностью подавить, я уже изменилась. Не только физически. Я вижу и чувствую по-другому. Например, вчера я уловила запах гнезда за полкилометра. Это не человеческая способность. Возможно, гены птиц, встроившиеся в мои обонятельные нейроны, дали мне новые рецепторы, и они останутся навсегда.

— Это может быть полезно, — заметил Марк.

— Или опасно. Если я буду воспринимать мир как птица, рано или поздно это начнёт влиять на моё поведение. Я не хочу закончить, как тот химер, строящий гнездо.

— Но ты осознаёшь это, а он, возможно, нет. Осознанность — ключ.

— Возможно, — согласилась Алиса, но в голосе её не было уверенности.

День прошёл в тревожном ожидании. Они спали по очереди, прячась от палящего солнца, которое, несмотря на облачность, всё равно обжигало. Алиса несколько раз просыпалась от кошмаров, но уже не таких ярких, как раньше. В одном из снов она снова летела, но теперь это не пугало её, а вызывало странное спокойствие.

К вечеру, когда тень удлинилась, они приготовились. Алиса ввела вторую ампулу препарата Якова. На этот раз реакция была мягче: небольшой жар, лёгкая слабость, но без судорог. Через час она почувствовала себя лучше.

— Проверь кровь, — попросил Марк.

Анализ показал снижение вирусной РНК до ста двадцати копий. Алиса улыбнулась — впервые за долгое время.

— Работает. Если удастся найти ещё препарат, я смогу полностью очиститься.

— Леонид, возможно, знает, где его достать.

Наступила полночь. Они вышли из укрытия и направились к условленному месту — старому дробильному цеху на краю карьера. Ночь была беззвёздной, но луна пробивалась сквозь облака, освещая руины.

Алиса заметила движение у стены цеха: человек в тёмном плаще с капюшоном стоял, прислонившись к бетонному столбу. При их приближении он не шелохнулся.

— Леонид? — негромко окликнула Алиса.

— Да, — ответил знакомый голос. — Подойдите ближе.

Они приблизились. Леонид откинул капюшон, и Алиса увидела его лицо: спокойное, с правильными чертами, но на шее и скулах виднелись участки чешуи, а глаза в темноте отливали янтарём. Он не выглядел безумным — наоборот, от него исходило чувство собранности.

— Вы добрались, — сказал он. — Хорошо. Значит, Яков не соврал.

— Он дал нам ваши координаты, — кивнула Алиса. — Сказал, что вы можете помочь.

— Помочь? — Леонид усмехнулся. — Сначала я должен понять, что вы из себя представляете. Идёмте, у нас мало времени. Дроны корпорации прочёсывают этот район каждые два часа.

Он развернулся и пошёл в темноту, не оглядываясь. Алиса и Марк переглянулись и последовали за ним.

Леонид вёл их узкой тропой, петляющей между отвалами пустой породы и ржавыми остовами горнодобывающей техники. Луна то выглядывала из-за туч, заливая всё призрачным серебром, то пряталась, и тогда Алисе приходилось полагаться только на смутный силуэт проводника впереди. Марк шёл замыкающим, иногда оглядываясь, но Леонид, казалось, совершенно не беспокоился о возможной погоне.

— Как давно вы живёте вне купола? — тихо спросила Алиса, чтобы разорвать гнетущую тишину.

— Три года, четыре месяца и одиннадцать дней, — ответил Леонид, не оборачиваясь. — Я перестал считать, когда понял, что возвращение невозможно.

— Вы были в карантинном центре?

— Был. Меня изолировали, когда появились жабры. Один из охранников сказал, что я теперь «неликвид». Так и выразился. — В его голосе не было горечи, только усталость. — Тогда я понял, что для них мы не люди. Мы — материал.

Алиса вспомнила карантинный центр: белые стены, запах антисептика, крики из-за дверей. И то, как санитары в защитных костюмах вели закованного в смиренную рубашку химеру, а он был, как раненый зверь. Тогда ей было страшно, но не за него — за себя. Теперь стыдно.

— Мне жаль, — сказала она искренне.

— Мне тоже, — отозвался Леонид. — Но жалость не поможет. Поможет только знание.

Он остановился у входа в дренажный туннель, замаскированный зарослями ползучего кустарника. Отодвинул ветку, вытащил из-за пояса небольшой фонарь с красным светом и включил его.

— Идите за мной. Не отставайте и не сворачивайте: в тоннеле есть ответвления, которые ведут в подземные пустоты. Выберетесь не скоро, если заблудитесь.

Они вошли. Внутри пахло влагой, ржавчиной и чем-то органическим — как в старом аквариуме. Стены были покрыты мхом, который в красном свете казался чёрным. Где-то капала вода, и звук этот размножался эхом.

— Куда ведёт тоннель? — спросил Марк, пригибаясь под низким сводом.

— К старой дренажной системе карьера. Она соединяется с подземными выработками, которые использовались ещё до катастрофы. Там обустроено несколько жилых отсеков. Мы называем это место «Плавником» — из-за воды и рыбных ферм.

— Рыбных ферм? — удивилась Алиса.

— Некоторые из нас имеют мутации, связанные с водной средой. Мы научились выращивать рыбу в подземных озёрах. Это основной источник белка.

Они шли около двадцати минут, пока не вышли к массивной стальной двери, врезанной в скалу. Леонид постучал условным ритмом. Дверь приоткрылась, и в проёме показалось лицо женщины — наполовину покрытое чешуёй, с вертикальными зрачками, как у ящерицы.

— Свои, — коротко сказал Леонид.

Женщина кивнула и отступила. Алиса и Марк вошли.

Они оказались в просторном помещении, вырубленном в камне и укрепленном бетонными плитами. Под потолком тянулись трубы, светились тусклые лампы, работающие, судя по гудению, от небольшого гидрогенератора. Вдоль стен стояли стеллажи с консервами, самодельная мебель из поддонов и старых ящиков. В центре, вокруг буржуйки, сидели несколько человек — точнее, существ, которых Алиса не сразу смогла назвать людьми.

У одного из них, молодого парня, вместо рук были конечности, напоминающие щупальца, но он ловко держал ими кружку и пил, не проливая. У другого — кожа, покрытая мелкой шерстью, как у крота, а глаза едва различались под нависающими надбровными дугами. Третья — совсем молодая девушка — имела крылья, которые она держала сложенными за спиной, как плащ. Все они повернулись к вошедшим, и в их взглядах Алиса не увидела враждебности. Скорее настороженность.

— Это доктор Ветрова и её коллега, — представил их Леонид. — Они от Якова. Прошу отнестись с уважением.

— От Якова? — переспросил парень со щупальцами. — Старик жив?

— Жив, — подтвердила Алиса. — Он помог мне остановить мутацию. Временно.

— Значит, он всё-таки нашёл рабочий протокол? — подала голос крылатая девушка. Её звали, как потом узнала Алиса, Мира.

— Не совсем. Препарат подавил вирус, но не уничтожил его. У нас осталась одна ампула, и мы не знаем, как синтезировать новую.

Леонид подошёл к буржуйке, снял с крюка чайник и налил воды в две кружки.

— Это проблема, — сказал он, протягивая кружку Алисе. — Но не самая главная. Главное — вы здесь, а значит, у корпорации теперь есть повод искать это место ещё активнее.

— Почему вы так думаете? — спросил Марк.

— Потому что вы сбежали из-под их носа. «ГенСинтез» не любит терять объекты. Особенно такие, как доктор Ветрова.

Алиса почувствовала, как внутри похолодело.

— Вы знаете обо мне?

— Кто же не знает? Вы — один из ведущих специалистов по мутагенезу. Корпорация давно следила за вашими исследованиями. Возможно, именно поэтому вас и заразили намеренно.

— Намеренно? — Алиса недоверчиво покачала головой. — Та птица просто влетела в лабораторию...

— Просто ли? Птица с флуоресцирующими перьями, проникшая в сектор с прорывом купола, которая целенаправленно заразила именно вас? — Леонид прищурился. — Слишком много совпадений.

Алиса замолчала. Мысль о том, что заражение могло быть спланировано, не приходила ей в голову. Но теперь, оглядываясь назад, она вспомнила, с какой точностью птица оказалась именно в её лаборатории, именно в тот момент.

— Марк, — тихо сказала она, — а ведь правда. У нас был полный институт, а птица влетела именно ко мне. И никто её не видел, кроме меня.

— Это может быть случайностью, — возразил Марк, но голос его звучал неуверенно.

— В нашем мире случайности имеют свойство быть хорошо спланированными, — подытожил Леонид. — Но сейчас не время для паранойи. Вам нужно отдохнуть. Завтра мы обсудим, как действовать дальше.

Он проводил их в небольшой отсек, отгороженный от основного зала плотной тканью. Внутри стояли две лежанки, сколоченные из досок, и маленький столик с керосиновой лампой.

— Располагайтесь. Туалет дальше по коридору, там же умывальник. Вода холодная, но это лучше, чем ничего.

— Спасибо, — сказала Алиса, опуская рюкзак на пол.

Леонид задержался у входа.

— И ещё, доктор. Не выходите из отсека без сопровождения. Здесь не все лояльны к людям без мутаций. Некоторые считают, что «чистые» — источник всех бед.

— А вы? — спросила Алиса.

— Я считаю, что не имеет значения, есть у тебя жабры или нет. Важно, что у тебя в голове. Но не все разделяют это мнение.

Он вышел, оставив их одних.

Алиса легла на лежанку, не раздеваясь. Тело ныло от усталости, но ум был перевозбуждён. Она перебирала в памяти всё, что услышала за последний час. Подпольная община, разумные химеры, намеки на намеренное заражение — всё это было слишком, чтобы переварить сразу.

— Марк, — позвала она. — Как ты думаешь, ему можно верить?

Марк сидел на соседней лежанке, сняв куртку и расстегнув ворот рубашки.

— Пока он не дал повода сомневаться. Но и расслабляться не стоит.

— Меня беспокоит другое. Он сказал, что корпорация следила за мной. Если это правда, то моя лаборатория, мои исследования — всё было под наблюдением. И тогда... кто такой ты?

Марк повернулся к ней, и в полумраке его лицо стало странно напряжённым.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты пришёл в лабораторию за две недели до заражения. Тебя перевели из новосибирского филиала. Ты занимался вирусологией, но не МФ. Почему именно ты?

— Потому что я просил перевода, — спокойно ответил Марк. — Я хотел работать с тобой.

— Почему?

— Потому что ты лучшая в своей области. И потому что я знал, что МФ — не просто случайные сбои. Я хотел понять природу вируса, а твоя лаборатория была единственной, где это можно было сделать.

Алиса долго смотрела на него, пытаясь разглядеть в его словах ложь. Но лицо Марка было открытым, усталым, без тени притворства.

— Прости, — сказала она. — Я больше никому не могу доверять.

— Понимаю. Но сейчас тебе придётся довериться хотя бы мне. Иначе мы не выживем.

Она кивнула и закрыла глаза. Сон пришёл не сразу, но когда пришёл, был глубоким и пустым, без сновидений.

Утром их разбудил тихий стук в стенку отсека. Алиса открыла глаза и увидела, что в проёме стоит Леонид с двумя мисками в руках.

— Завтрак, — сказал он. — В основном рыба и грибы. Не изысканно, но питательно.

Алиса села, взяла миску. Внутри была густая похлёбка с кусками белого мяса и тёмными пластинками грибов. Пахлопряно, даже аппетитно. Она попробовала — вкус был необычный, но приятный.

— Спасибо, — сказала она. — Я не ела нормальной еды несколько дней.

— Привыкайте. Здесь еда не проблема. Проблема — безопасность.

— Вы уже говорили. Но что конкретно угрожает этому месту?

Леонид присел на порог, сложив руки на коленях. Его янтарные глаза блестели в полумраке.

— Во-первых, дроны. Корпорация использует их для поиска химер за пределами куполов. Во-вторых, отряды «чистильщиков» — людей, которые верят, что мутации — кара за грехи, и охотятся на нас. В-третьих, сами мутанты — животные, которые агрессивны и не различают своих и чужих.

— А ещё — безумные химеры, — добавила Алиса.

— Да, — согласился Леонид. — Они, пожалуй, самые опасные. Особенно те, у кого активировался хищнический инстинкт. Они не осознают своих действий и могут напасть на любого, кто окажется рядом.

— Вы пытаетесь их лечить?

— Пытаемся. Но ресурсов мало. Иногда приходится... изолировать.

Алиса поняла, что скрывается за этим словом. Она поставила миску и посмотрела Леониду в глаза.

— Я хочу помочь. У меня есть знания, опыт. Возможно, я смогу разработать более эффективный протокол лечения.

— Это опасно. Вы сами инфицированы. Если вирус снова активизируется, вы станете угрозой.

— Поэтому мне нужно как можно скорее найти способ стабилизировать состояние. И здесь, возможно, есть всё необходимое.

— У нас есть лаборатория, но примитивная. Не сравнить с институтской.

— Мне хватит, — уверенно сказала Алиса. — Главное — реактивы и оборудование для ПЦР и синтеза олигонуклеотидов.

— Нужно будет поговорить с нашим врачом. Его зовут Давид. Он тоже химер, но сохранил разум и лечит остальных.

— Он разбирается в молекулярной биологии?

— Он был эпидемиологом до катастрофы. Теперь — наша главная надежда.

Алиса кивнула. Она быстро доела похлёбку и поднялась.

— Тогда веди к нему. Не будем терять время.

Леонид провёл их через главный зал в соседний коридор. По пути Алиса разглядывала общину: здесь жили, работали, разговаривали. Несмотря на внешние отличия, люди вели себя обычно, по-человечески, и это вселяло надежду.

В конце коридора находилось помещение, откуда доносился запах спирта и йода. За самодельным столом, заваленным инструментами и склянками, стоял немолодой мужчина с бледной, почти прозрачной кожей, сквозь которую просвечивали сосуды. На его лбу виднелись небольшие рожки, как у молодого оленя, а глаза были разного цвета: один карий, другой голубой.

— Давид, — окликнул его Леонид. — Это доктор Ветрова и её коллега. Они от Якова. Давид поднял голову, и его разноцветные глаза внимательно осмотрели гостей.

— Яков жив? Странно. Я слышал, его бункер разорили.

— Мы были там вчера, — сказала Алиса. — Он одинок, но держится.

— Хорошо. Значит, не всё потеряно. — Давид вытер руки тряпкой и подошёл. — Покажите вашу руку.

Алиса сняла повязку и перчатку. Давид осмотрел шрамы, провёл по коже пальцем, затем взял увеличительное стекло.

— Препарат Якова сработал, — констатировал он. — Но вирус не элиминирован. Вы знаете, какой у вас титр?

— Сто двадцать копий на миллилитр после второй дозы.

— Это неплохо, но недостаточно. Если прекратите лечение, через несколько дней начнётся рецидив, возможно, более агрессивный, чем раньше.

— Я понимаю. Поэтому мне нужен доступ к синтезатору олигонуклеотидов.

Давид покачал головой.

— У нас нет такого оборудования. Есть ПЦР-амплификатор, электрофорез, центрифуга. Но синтез олигонуклеотидов — это сложный химический процесс.

— Значит, нужно найти другой способ. Может, использовать мою собственную иммунную систему? Если я выжила после первого курса, возможно, в моей крови есть антитела, которые можно размножить.

Давид задумался.

— Это идея. У нас есть оборудование для культивирования клеток. Мы можем попытаться выделить ваши В-лимфоциты и наработать антитела. Но это займёт время.

— Сколько?

— Неделю, если всё пойдёт гладко. Но у вас нет недели. Вирус может активироваться раньше.

— Тогда нужен другой подход. Может, использовать вирусные векторы для доставки генов, кодирующих антитела, прямо в мои клетки?

— Генная терапия *in vivo*? — Давид удивлённо поднял брови. — Это рискованно. Если вектор встроится не туда, можно вызвать онкогенез.

— Риск оправдан, — твёрдо сказала Алиса. — Лучше умереть от рака через десять лет, чем превратиться в безумную птицу завтра.

Давид посмотрел на Леонида, тот едва заметно кивнул.

— Хорошо, — сказал врач. — Но сначала нужно провести полное обследование. Я должен понять, в каком состоянии ваша иммунная система и какие именно мутации закрепились в геноме.

— Когда начнём? — спросила Алиса.

— Прямо сейчас.

Давид отвёл Алису в соседнее помещение, которое оказалось чем-то вроде смотровой. Там стояла узкая кушетка, покрытая выцветшей клеёнкой, штатив с капельницей, старый, но рабочий кардиомонитор и полки, уставленные банками с лекарственными травами, инструментами и пожелтевшими инструкциями. На стене висела схема человеческого тела с пометками, сделанными от руки.

— Раздевайтесь до пояса, — сказал Давид, включая дополнительную лампу. — Мне нужно осмотреть все места, где были изменения.

Алиса стянула рубашку. Она чувствовала себя уязвимой под взглядом Давида, хотя тот был предельно профессионален. Марк стоял в углу, отвернувшись к стене, давая ей возможность сохранить остатки личного пространства.

Давид начал осмотр с левой руки. Он тщательно ощупал шрамы, проверил подвижность суставов, попросил сжать кулак, развести пальцы, повернуть кисть. Алиса выполняла команды, но в некоторых движениях чувствовала лёгкую скованность, будто кожа натянулась слишком туго.

— Мышцы и связки пострадали, — констатировал Давид. — Но регенерация идёт быстрее, чем я ожидал. Возможно, вирус оставил после себя какие-то регенеративные факторы.

— Или моя усиленная репарация ДНК помогает тканям восстанавливаться, — добавила Алиса.

— Возможно. Но есть нюанс: если вирус активируется снова, именно эти ткани станут первым очагом. Поэтому нам нужно выработать стратегию долгосрочного контроля.

Он перешёл к осмотру лимфатических узлов, прощупал подмышечную область, шею, пах. Алиса старалась не морщиться от боли в некоторых точках.

— Лимфаденопатия сохраняется, — сказал Давид. — Иммунная система всё ещё борется. Это хорошо, но также означает, что вирус не побеждён.

Затем он взял кровь из вены, несколько мазков со слизистых, соскоб с кожи на левой руке. Алиса терпеливо переносила процедуры, понимая их необходимость.

— Теперь главный вопрос, — сказал Давид, откладывая пробирки. — Какие именно генетические изменения закрепились в ваших соматических клетках. Для этого нужно сделать секвенирование. У нас есть портативный секвенатор третьего поколения, но он старый и медленный. Результаты будут через несколько часов.

— Это лучше, чем ничего, — ответила Алиса. — А пока — расскажите мне о здешних пациентах. Сколько химер здесь живёт?

Давид снял перчатки и присел на табурет.

— Сейчас тридцать семь человек, включая нас с вами. Из них двадцать два — с выраженными мутациями, остальные — носители без фенотипических проявлений или с минимальными изменениями. Все, кто здесь, сохранили разум. Тех, кто потерял его, мы не можем держать в общине — это опасно.

— Что с ними происходит? — спросила Алиса.

— Изолируем в отдельном крыле. Там есть камеры, похожие на тюремные. Мы стараемся ухаживать за ними, но... — он осёкся, подбирая слова. — Это тяжело. Люди, которые были нашими друзьями, превращаются в существ, живущих по законам инстинкта. Некоторые рычат, кусаются, не узнают близких. Другие впадают в кататонию и часами смотрят в одну точку.

— А есть те, кто строит гнёзда? — тихо спросила Алиса.

— Есть. У одного мужчины — навязчивое стремление закапываться в землю. Он роет ямы, пока не выбьется из сил. Мы думаем, у него активировались гены землеройки. — Давид вздохнул. — Безумие химер — это не просто психическое расстройство. Это биологическое перепрограммирование мозга. И с этим бороться гораздо сложнее.

Алиса кивнула, вспоминая химеру на поляне, строившего гнездо. Она не могла избавиться от этого образа.

— А что если эти инстинкты можно перенаправить? — задумчиво произнесла она. — Если человек одержим рытьём, дать ему работу, связанную с рытьём? Если строит гнездо — пусть строит укрытия для общины. Может, тогда мозг получит удовлетворение, и навязчивость ослабнет.

Давид с интересом посмотрел на неё.

— Забавно, что вы предлагаете это. Мы пробовали подобное с двумя пациентами. В одном случае помогло: человек с инстинктом «строительства нор» стал главным по укреплению тоннелей. Он обрёл смысл и стал спокойнее. Но во втором случае — нет. Женщина с инстинктом заботы о потомстве начала воровать детей. Пришлось изолировать.

— То есть универсального подхода нет.

— Именно. Каждый случай уникален. Но общий принцип — не бороться с инстинктом, а дать ему социально приемлемый выход — может работать. Мы называли это «протоколом замещения».

— Звучит разумно. Я бы хотела изучить ваши данные.

— Позже. Сначала — ваше собственное состояние. Вы сказали, что чувствуете новые запахи, реагируете быстрее. Это может быть первым признаком сенсорной перестройки. Если не адаптироваться, можно утонуть в потоке информации.

— Я уже это заметила, — призналась Алиса. — Иногда звуки кажутся слишком громкими, запахи — слишком резкими. Мне приходится фильтровать.

— Это неврологическая перегрузка. Ваш мозг ещё не научился обрабатывать новые сигналы. Но он способен адаптироваться — нейропластичность. Главное — не сопротивляться, а позволить себе привыкнуть.

— Как к новому языку, — добавила Алиса.

— Именно. Только язык этот — язык птиц, рыб или насекомых, в зависимости от того, какие гены встроились. Вы должны научиться «слышать» эти сигналы, но не подчиняться им.

Алиса задумалась. Это звучало логично, но на практике всё было гораздо сложнее.

В этот момент в дверь постучали. Вошёл Леонид. Он выглядел встревоженным.

— Давид, у нас проблема, — сказал он. — Дозорные заметили дрон над карьером. Он кружил около полудня, потом улетел на восток. Но это может быть разведка.

Давид нахмурился.

— Корпорация активизировалась. Возможно, они ищут вас, — он посмотрел на Алису.

— Тогда нам нужно уходить, — сказала она, поднимаясь.

— Нет. Покидать убежище днём — самоубийство. УФ слишком высок. И дрон, возможно, уже передал ваши координаты. Если выйдете сейчас, вас схватят.

— И что делать? Ждать ночи?

— Да. Но также нужно подготовиться к возможному штурму. — Леонид повернулся к Давиду. — Скажи всем, чтобы были готовы. Проверь запасные выходы. И предупреди Рыбу и Крота.

Давид кивнул и вышел. Алиса и Марк остались с Леонидом.

— Это всё из-за нас, — тихо сказала Алиса. — Мы привели их сюда.

— Возможно, — согласился Леонид. — Но рано или поздно они бы нашли это место. Ваше появление лишь ускорило процесс. Зато теперь у нас есть вы — а это может изменить ход игры.

— Каким образом?

— Вы знаете вирус изнутри. Вы можете найти уязвимость. Если мы выстоим, вы продолжите исследования. Если нет... — он не договорил.

Алиса сжала левую руку. Она чувствовала, как под кожей что-то слабо пульсирует, но это была не боль, а скорее напоминание о том, что вирус не исчез. Он ждал.

— Я не подведу, — сказала она твёрдо.

— Посмотрим. А пока — помогите с подготовкой. У нас есть оружие, но мало. Если придёт отряд, нам понадобится каждая пара рук.

Марк, всё это время молчавший, выступил вперёд.

— Я умею стрелять. Проходил подготовку.

— Хорошо. Тогда пойдёмте, я покажу вам арсенал.

Они вышли из смотровой и направились в глубину убежища. Алиса, идя следом, размышляла о том, как быстро жизнь перевернулась. Ещё неделю назад она сидела в лаборатории, изучая пробирки, и думала, что эпидемия — это абстрактная проблема. Теперь она сама была частью этой проблемы, и от неё зависели жизни десятков существ, которых официальная наука называла «мутантами».

Подготовка к возможной атаке заняла остаток дня. Леонид провёл Алису и Марка по убежищу, показал расположение основных и запасных выходов, объяснил систему сигнализации — старые жестяные банки, подвешенные на верёвках вдоль подходов, и несколько самодельных датчиков движения из подручных материалов.

— Мы не армия, — говорил он, пока они шли по узкому коридору, — но у нас есть преимущество: мы знаем эти тоннели лучше, чем кто-либо. Если «ГенСинтез» попытается штурмовать, они заблудятся в лабиринте.

— А если они используют газ или дроны? — спросил Марк.

— Газ мы не выдержим. Дроны — возможно, собьём. У нас есть пара электромагнитных пушек, переделанных из промышленных излучателей. Дальность небольшая, но для замкнутого пространства годится.

Они дошли до арсенала — небольшой комнаты с деревянными ящиками и полками. Леонид открыл один из ящиков, достал два автомата, похожих на старые АК, и протянул один Марку, другой — Алисе.

— Это не игрушка, — сказал он, заметив, как Алиса неловко взяла оружие. — Мы будем стрелять только в крайнем случае. Но лучше уметь, чем не уметь.

— Я умею, — ответил Марк, проверяя затвор. — А вот Алиса, пожалуй, нет.

— Научусь, если придётся, — сказала она, хотя внутри содрогнулась от мысли о стрельбе.

Они вернулись в главный зал, где уже собрались почти все обитатели. Люди-кроты, люди-ящерицы, человек со щупальцами, крылатая Мира — все сидели или стояли, и в воздухе витало напряжение. Леонид встал в центре, чтобы объяснить ситуацию.

— Братья и сёстры, — начал он, и его голос, несмотря на спокойствие, разнёсся по залу, как удар колокола. — Дроны над карьером — это только начало. «ГенСинтез» ищет нас, и, возможно, уже знает, что мы здесь. Мы не знаем, когда они ударят. Но мы знаем, что делать. Проверяем выходы, готовим оружие, прячем детей и тех, кто не может сражаться. Никакой паники. Мы пережили худшее. Переживём и это.

Зал загудел. Голоса раздавались с разных сторон, но никто не кричал, не впадал в истерику. Алиса заметила, что обитатели «Плавника» были на удивление дисциплинированы. Возможно потому, что жизнь заставила их стать такими.

После собрания к ней подошла Мира — та самая крылатая девушка. Её крылья были сложены за спиной, но когда она двигалась, перья едва слышно шуршали, как сухая листва.

— Доктор Ветрова, — обратилась она. — Вы раньше работали в институте?

— Да, — ответила Алиса.

— Вы видели там таких, как я?

Алиса задумалась. Она видела много химер в карантинном центре, но крылатых — редко.

— Однажды видела женщину с крыльями, — сказала она. — Она была в изоляторе, но её держали отдельно. Говорили, что она опасна.

Мира грустно улыбнулась.

— Меня тоже считали опасной. Пока я не сбежала.

— Как вы сбежали?

— Через вентиляцию. Я тогда ещё не умела летать, но крылья помогли мне протиснуться в узкие шахты. Потом я долго жила одна, пока не нашла «Плавник». Здесь меня приняли.

— Вам повезло.

— Да. Но не всем так везёт. Поэтому я хочу помочь вам. Если вы найдёте лекарство, возможно, мы сможем вернуть разум тем, кто его потерял.

Алиса не стала обещать, но в душе дала себе клятву: сделать всё, что в её силах.

Ночь подкралась незаметно. Алиса и Марк разместились в том же отсеке, что и прошлой ночью. Свет в убежище приглушили, оставив только тусклые лампы в коридорах. Было тихо, но эта тишина была наполнена ожиданием.

Алиса лежала на лежанке, глядя в каменный потолок. Она не могла заснуть. Слишком много мыслей роилось в голове.

— Марк, — тихо позвала она.

— Да?

— Ты помнишь, о чём мы говорили перед тем, как всё началось? О том, что человечество должно быть готово к эволюции?

— Помню. Ты тогда сказала, что эволюция не спрашивает разрешения.

— Теперь я понимаю, что была права. Но я не думала, что она будет такой... жестокой.

— Эволюция всегда жестока, — ответил Марк после паузы. — Просто раньше она занимала миллионы лет, а теперь — дни. Мы не успеваем осознать изменения, а они уже ломают наши тела и умы.

— Если так будет продолжаться, человечество разделится на два вида: тех, кто мутирует, и тех, кто остаётся прежним. И начнётся война.

— Поэтому так важно найти баланс. Не остановить эволюцию, а направить её. Это то, чем ты занималась в лаборатории. Просто теперь ты внутри процесса.

— Внутри, — повторила Алиса, глядя на свою левую руку, которая снова начала тихонько чесаться. — И это страшнее всего.

Она закрыла глаза, но сон не шёл. Вместо этого она снова почувствовала тот странный, сладковатый запах, который ощущала на поляне. Он проникал через вентиляцию, едва уловимый, но настойчивый.

Алиса села и принялась.

— Марк, — прошептала она. — Ты чувствуешь?

— Что? — он тоже сел.

— Запах. Такой же, как у того гнезда. Но здесь, внутри.

Оба замерли. Прошло несколько секунд, и Алиса услышала отдалённый, едва различимый звук: ритмичное шуршание, словно кто-то скрёб по камню.

— Это в убежище, — прошептала она.

— Возможно, кто-то из химер... у него начался приступ.

— Или что-то проникло извне.

Она встала, надела ботинки, схватила фонарь. Марк последовал за ней. Они вышли в коридор. Звук стал громче, он доносился из дальнего крыла, где, по словам Давида, содержались безумные химеры.

— Нам туда нельзя, — сказал Марк.

— А если это не пациент, а кто-то, кто пробрался снаружи? Мы должны проверить.

Они осторожно двинулись по коридору. Запах усиливался, становился приторным, тошнотворным. В конце коридора виднелась дверь, обитая железом, с засовом. Засов был отодвинут.

Алиса почувствовала, как её левая рука сжалась в кулак сама по себе. Коготь, который она считала исчезнувшим, снова начал пробиваться сквозь ноготь. Она не успела удивиться: дверь распахнулась, и из темноты на них бросилась фигура.

Это был человек, но его тело было покрыто перьями, а лицо искажено гримасой ярости. Он шипел, размахивая руками, похожими на крылья, и в темноте блестели его глаза — жёлтые, с вертикальными зрачками.

— Стой! — крикнула Алиса, но существо не слушало.

Оно прыгнуло на неё, сбив с ног. Алиса упала, чувствуя, как когти впиваются в плечо. Марк бросился на помощь, попытался оттащить химеру, но тот был невероятно силен — мутация увеличила мышечную массу.

Алиса, действуя инстинктивно, выбросила вперёд левую руку. Её собственный коготь, выросший до нескольких сантиметров, вонзился в горло существа. Раздался хрип, и химера обмякла.

Она оттолкнула тело и села, тяжело дыша. Марк стоял рядом, в его руке был нож, но он не успел им воспользоваться.

— Ты в порядке? — спросил он, помогая ей подняться.

— Кажется, да, — Алиса взглянула на свою левую руку. Коготь медленно втягивался обратно, но на коже выступила кровь — не её, а нападавшего.

— Это был один из изолированных? — спросила она.

— Судя по всему, да. Засов был открыт. Кто-то выпустил его.

Алиса посмотрела на распростёртое тело. Грудь существа едва вздымалась — оно было ещё живо, но без сознания. Перья на его теле начали бледнеть, словно теряя жизненную силу.

— Нужно позвать Давида, — сказала она.

Но прежде, чем они успели двинуться, из-за спины раздался голос Леонида:

— Что здесь произошло?

Он стоял в конце коридора с фонарём. Его лицо было мрачным.

— Он напал на нас, — ответил Марк. — Засов был открыт.

Леонид подошёл, осмотрел тело, затем перевёл взгляд на Алису.

— Ваша рука, — сказал он. — Вы снова мутируете.

Алиса опустила глаза. Коготь почти втянулся, но кожа вокруг ногтя потемнела и блестела.

— Я думала, препарат сдерживает, — прошептала она.

— Видимо, стресс активировал латентный вирус. Нужно срочно проверить кровь.

Они направились в смотровую. Алиса чувствовала, как внутри нарастает паника, но заставляла себя дышать ровно. Она знала: если вирус вернулся, то всё, что они делали, было напрасно.

Но в глубине души она понимала и другое: её рука, только что убившая существо, действовала не по её воле. И это было хуже, чем мутация. Это было началом потери контроля.

Глава 4

Смотровая тонула в холодном свете ламп. Давид работал молча, быстро, с той отточенной экономностью движений, которая приходит только после долгих лет практики в условиях, когда одна ошибка стоит жизни. Он закатал рукав Алисы, затянул жгут, взял кровь из вены, и тёмная жидкость наполнила сразу три пробирки.

— Нужно провести полный анализ, — сказал он, не глядя на неё. — Если вирус снова активировался, каждая минута на счету.

Алиса сидела на кушетке, прижимая вату к месту укола. Левая рука всё ещё дрожала, но уже не так сильно. Она смотрела на неё, пытаясь осознать, что только что произошло в коридоре. Коготь выдвинулся сам, рука нанесла удар, которого она не планировала. Это было похоже на рефлекс, но более сложный — как будто внутри её тела жила отдельная воля, которая в момент опасности перехватила управление.

— Вы убили его? — спросила она, не поднимая глаз.

— Нет, — ответил Леонид, стоявший у двери. — Он жив. Мы оттащили его обратно в камеру, но он в тяжёлом состоянии. Давид окажет ему помощь, если сможет.

— Я не хотела, — прошептала Алиса. — Рука... она сама.

— Понимаю. — Леонид прошёл вглубь комнаты, присел на край стола. — Именно так начинается потеря контроля. Сначала рефлекс, потом — инстинктивные действия, потом — полное подчинение.

— Вы говорите так, будто знаете.

— Знаю. Я сам прошёл через это. Мои жабры начинали открываться без моего желания, когда рядом была вода. Я задыхался на суше, хотя лёгкие работали. Тело требовало влаги, и разум подчинялся. Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы научиться управлять этими импульсами.

— Как вы это сделали?

— Осознанная медитация, дыхательные практики. И ещё — специальные упражнения, которые разработал Давид. Мы называем это «приручением химеры». Это не излечение, но способ договориться с новыми частями себя.

Алиса впервые подняла взгляд.

— Вы можете научить меня?

— Позже. Сначала нужно стабилизировать ваше состояние. Если вирус размножается, никакие упражнения не помогут.

Давид, закончив с пробирками, подошёл к портативному анализатору.

— Сейчас проверим вирусную нагрузку. Результат будет через несколько минут.

— А если она выросла? — спросил Марк, который всё это время стоял рядом, бледный и напряжённый.

— Тогда придётся ввести третью ампулу. Но она последняя. После неё у нас не останется запаса.

— Нужно срочно синтезировать новые, — сказала Алиса. — Или найти альтернативу.

— Сейчас не до этого. Сначала — ваша жизнь.

Анализатор пискнул. Давид взглянул на дисплей, и его лицо помрачнело.

— Тысяча четыреста копий на миллилитр, — сообщил он. — Вирусная нагрузка выросла в десять раз за последние часы. Это рецидив.

Алиса закрыла глаза. Она ожидала этого, но всё равно почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

— Вводите препарат, — сказала она твёрдо.

— Вы уверены? — спросил Давид. — Это последняя доза.

— Другого выхода нет. Если я не остановлю репликацию, мутация ускорится, и тогда уже ничто не поможет.

Давид кивнул и достал из холодильника ампулу с мутноватой жидкостью. Он набрал препарат в шприц, обработал вену на здоровой руке. Алиса отвернулась, чтобы не видеть иглы.

— Будет больно, — предупредил он. — Как в прошлый раз.

— Я готова.

Препарат вошёл в кровь ледяной волной. Почти сразу же начался жар — горячий, растекающийся от груди к конечностям. Алиса стиснула зубы, стараясь не закричать. На этот раз реакция была мягче, но всё равно мучительной. Левая рука забилась в судороге, пальцы скрючились, на коже проступили тёмные пятна, которые затем начали бледнеть. Перья, которые только начали пробиваться, высохли и осыпались, как сухие листья.

Марк держал её за правую руку, шепча что-то успокаивающее, но она почти не слышала. В голове стоял звон, перед глазами плыли цветные круги. Ей казалось, что она снова летит над мёртвым городом, и на этот раз её тело полностью покрыто перьями, а вместо рук — крылья. Она закричала, но звук получился нечеловеческим — хриплым клёкотом.

— Держите её! — крикнул Давид.

Леонид бросился к кушетке и прижал её плечи. Алиса билась, но через несколько минут судороги начали стихать. Жар спал, сменившись ледяным холодом. Она дрожала, зубы стучали, но сознание постепенно возвращалось.

— Уровень? — прохрипела она.

— Подождите, — ответил Давид, глядя на анализатор. Прошло несколько томительных секунд. — Восемьдесят копий. Препарат сработал. Но это всё ещё не ноль.

— Этого мало, — прошептала Алиса. — Если вирус не уничтожен, он вернётся.

— Вернётся, — согласился Давид. — Поэтому мы должны использовать время, чтобы найти другой способ борьбы.

Алиса села, с трудом удерживая равновесие. Голова кружилась, но мысли были ясными.

— Я хочу продолжить исследования, — сказала она. — У вас есть секвенатор. Я должна понять, с чем мы имеем дело.

— Сейчас? — удивился Давид. — Вам нужен отдых.

— Отдых не спасёт меня. Только знание. Покажите мне лабораторию.

Давид переглянулся с Леонидом. Тот кивнул.

— Хорошо, — сказал врач. — Но после обеда. И Марк будет рядом на случай, если вам станет плохо.

— Договорились.

Лаборатория «Плавника» оказалась небольшой, но на удивление хорошо оборудованной. Она располагалась в отдельном отсеке, вырубленном в скале, с принудительной вентиляцией и аварийным освещением. Вдоль стен стояли стеллажи с реактивами, старый ламинарный шкаф, центрифуга, амплификатор, электрофорезная камера и, в углу, портативный секвенатор третьего поколения — такой же, каким пользовалась Алиса в институте, только старше модели.

— Мы собрали это по частям, — пояснил Давид, заметив её взгляд. — Кое-что принесли из разрушенных лабораторий, кое-что выменяли у торговцев. Работает не идеально, но для базовых анализов хватает.

— Этого достаточно, — ответила Алиса, осматривая приборы. — Мне нужно выделить вирусную РНК из моей крови, провести обратную транскрипцию и отсекувенировать геном.

— Образцы вашей крови уже готовы. Я выделил нуклеиновые кислоты, пока вы отдыхали.

— Отлично. Тогда приступим.

Она надела перчатки, маску и села за стол. Марк встал рядом, готовый помочь. В лаборатории было прохладно, но руки Алисы горели — то ли от остаточного жара, то ли от волнения.

Первым делом она запустила ПЦР с праймерами, специфичными к консервативным участкам вирусного генома. Амплификация заняла около часа. За это время Алиса успела просмотреть записи Давида о предыдущих случаях заражения, которые он вёл от руки в толстой тетради.

— Здесь сотни наблюдений, — удивлённо сказала она. — Вы вели статистику?

— Да, — ответил Давид. — Я пытался найти закономерности. Какие штаммы вызывают какие мутации, как быстро прогрессирует болезнь, какие препараты помогают.

— И что вы выяснили?

— Что вирус не хаотичен. Он встраивается в определённые участки генома, которые активируются в зависимости от типа клеток. В кератиноцитах — гены кератина, в мышцах — гены миозина, в нервных клетках — гены нейромедиаторов. Каждый штамм имеет свою «специализацию».

— Это похоже на тканеспецифичную экспрессию, — заметила Алиса. — Вирус использует промоторы хозяина, чтобы активировать свои гены только в нужных клетках.

— Именно. Но есть и обратная сторона: он может случайно активировать протоонкогены, вызывая рак. Или встроиться в гены, отвечающие за развитие конечностей, и тогда начинается рост дополнительных структур.

— Как у той птицы с четырьмя крыльями.

— Да. Или как у вас — коготь и перья.

Алиса задумалась. Это объясняло многое, но не всё. Она решила дождаться результатов секвенирования, чтобы понять полную картину.

Через несколько часов ПЦР завершилась, и она перенесла образцы в секвенатор. Аппарат загудел, началась обработка. Алиса села на стул, чувствуя, как усталость наваливается свинцом. Но она не могла отдыхать, пока не увидит данные.

— Пока идёт секвенирование, давайте обсудим, — предложил Давид. — Вы сказали, что Яков дал вам антисенс-олигонуклеотиды. Это означает, что он тоже знал о механизме встраивания.

— Да, он разработал препарат, который блокирует вирусную РНК и вызывает отторжение изменённых клеток. Но без синтезатора мы не сможем воспроизвести его.

— У нас есть кое-какие реактивы, возможно, получится собрать установку для синтеза. Но это сложно.

— Сначала нужно понять геном вируса. Может, мы найдём уязвимое место, которое можно атаковать другими средствами.

Алиса достала свой ноутбук и открыла базу данных, которую они скачали ещё из института. Она начала сравнивать последовательности, которые знала, с теми, что появлялись на экране секвенатора.

Через два часа прибор закончил работу. Алиса открыла файл с результатами и уставилась на экран. Её глаза медленно расширялись.

— Не может быть, — прошептала она.

— Что там? — спросил Марк, наклоняясь.

— Геном вируса... он мозаичный. Содержит фрагменты ДНК не только птиц, рептилий и рыб, но и насекомых, растений, даже грибов. И всё это — не случайный набор. Есть участки, которые похожи на CRISPR-кассеты, но без направляющих РНК. То есть система встраивания есть, а механизм выбора цели отсутствует. Вирус встраивается случайно, но так, чтобы затронуть активные гены.

— Это опасно? — спросил Леонид, стоявший у двери.

— Чрезвычайно. Такой вирус может вызывать непредсказуемые мутации. Но самое главное — он древний. — Алиса повернулась к ним. — Я вижу гомологию с геномами, которые встречаются только в очень старых вирусах, найденных в вечной мерзлоте. Этот вирус спал во

льдах тысячи, возможно, десятки тысяч лет. Таяние ледников высвободило его, а усиленное УФ-излучение активировало.

— Значит, мы столкнулись с доисторическим патогеном, — резюмировал Давид.

— Да. И он использует УФ как триггер для репликации. Чем выше уровень радиации, тем активнее вирус. Поэтому после прорыва купола он так быстро распространился.

Алиса снова посмотрела на экран. Её левая рука слегка дрожала, но она не обращала на это внимания.

— Ещё одно, — сказала она тихо. — В геноме вируса есть участок, который кодирует белок, похожий на амилоид. Он может накапливаться в нейронах и вызывать их гибель. Это объясняет безумие химер. Вирус не только меняет тело, но и медленно разрушает мозг.

Все замолчали. Тишина в лаборатории стала почти осязаемой.

— Значит, даже сохранив разум, мы не в безопасности, — проговорил Леонид.

— Нет, — ответила Алиса. — Но если мы найдём способ заблокировать этот белок, возможно, мы спасём не только тела, но и сознание.

Она встала, пошатнулась, но удержалась.

— Мне нужно продолжать работу. Нужно найти консервативные участки, которые можно атаковать.

— Вам нужно отдохнуть, — сказал Марк.

— Отдых подождёт. — Алиса посмотрела на него с решимостью. — Если вирус вернётся, у меня может не быть второго шанса.

Она снова склонилась над ноутбуком, и её пальцы забегали по клавиатуре. Марк и Давид переглянулись, но спорить не стали.

Алиса не помнила, сколько времени провела за ноутбуком. В лаборатории было тихо, только гудел секвенатор, уже закончивший работу, да изредка поскрипывали стулья под весом Давида, который то входил, то выходил, проверяя пациентов. Марк оставался рядом, время от времени подкладывая ей кружку с остывшим травяным чаем, которую она машинально подносила к губам, не отрываясь от экрана.

Она искала уязвимости. Вирус был сложен, но не идеален. Его геном содержал участки, отвечающие за репликацию, интеграцию, сборку вирусных частиц, а также гены, кодирующие белки, которые вмешивались в работу клетки. Один из таких белков — названный ею мысленно «нейротоксин-А» — действительно напоминал амилоид. Он имел склонность к агрегации, особенно в условиях окислительного стресса, который создавался повышенным ультрафиолетом. Попадая в нейроны, этот белок мог накапливаться в виде нерастворимых бляшек, нарушая синаптическую передачу и вызывая гибель нервных клеток. Это объясняло, почему некоторые химеры сходили с ума даже при отсутствии видимых мутаций: их мозг разрушался изнутри.

Но у Алисы был шанс. Она заметила, что ген нейротоксина-А содержит последовательность, чувствительную к определённым малым интерферирующим РНК (siRNA). Если доставить такие siRNA в нейроны, можно было бы заблокировать экспрессию этого гена, не затрагивая остальные функции вируса. Однако доставка через гематоэнцефалический барьер оставалась проблемой. Впрочем, у Алисы уже был опыт введения антител интраназально — этот путь мог сработать и для siRNA, упакованных в липосомы или вирусные векторы.

Она начала набрасывать протокол. Мысль работала чётко, несмотря на усталость. Ей нужен был синтезатор олигонуклеотидов, чтобы создать siRNA, и центрифуга для получения липосом. Всё это было в её институтской лаборатории, но не здесь. В «Плавнике» имелся только базовый набор.

— Давид, — позвала она, не поворачиваясь. — У вас есть липидные наночастицы? Или что-то для трансфекции?

— Нет, — ответил врач, оторвавшись от своих записей. — Мы не проводили генно-инженерных работ. Только диагностика и культивирование клеток.

— А вирусные векторы? Может, есть штаммы лентивирусов или аденоассоциированных?

— Тоже нет. Всё, что было, забрали при эвакуации или уничтожили.

Алиса вздохнула. Без инструментов доставки её план оставался теорией.

— Но есть другой путь, — задумчиво произнесла она. — Мои собственные клетки. Если вирус уже модифицировал часть моих тканей, они могут стать фабрикой для выработки siRNA. Нужно только найти способ заставить их производить нужные молекулы.

— Это рискованно, — предупредил Давид. — Вмешательство в геном может спровоцировать непредсказуемые последствия.

— Риск меньше, чем гарантированное безумие. — Алиса откинулась на спинку стула и потёрла виски. — Но сначала нужно стабилизировать моё состояние. Последняя ампула сработала, но вирус всё ещё в крови. Если он снова активизируется, я не смогу думать.

— Мы можем попробовать очистить кровь с помощью плазмафереза, — предложил Давид. — Процедура примитивная, но у нас есть центрифуга и запас растворов. Это снизит вирусную нагрузку.

— Это временная мера, но может дать нам несколько дней. — Алиса оживилась. — Сколько вы сможете удалить?

— За один сеанс — около двух литров плазмы. Придётся замещать донорской, но у нас есть запасы замороженной плазмы от обитателей с совместимой группой.

— Хорошо. Начнём сегодня вечером. А пока я продолжу анализ.

Она снова повернулась к компьютеру. Но в голове уже зрела мысль, что нужно не только бороться с вирусом, но и использовать его. Если вирус встраивает гены, возможно, его можно перенастроить так, чтобы он встраивал полезные гены, например, те, которые защищают мозг. Но для этого нужны инструменты редактирования, которых здесь не было.

Марк, сидевший в углу с каким-то старым журналом, вдруг поднял голову.

— Алиса, ты слышала что-нибудь о «ГенСинтезе»? Об их проектах?

— Немного. Они финансировали часть исследований в нашем институте, но я не вникала в детали.

— Они разрабатывали генно-модифицированные организмы для сельского хозяйства ещё до катастрофы. Потом, когда случился прорыв, они переключились на военные заказы. Ходили слухи, что у них есть лаборатории, где изучают химер и даже создают искусственные штаммы МФ.

— Искусственные штаммы? — Алиса нахмурилась. — Это запрещено всеми международными конвенциями.

— Запреты не остановили их. — Марк отложил журнал. — Я видел отчёты, которые случайно попали в нашу базу. Там упоминались эксперименты с усилением вирулентности и направленным мутагенезом. Возможно, твоя птица была не случайной.

Алиса вспомнила слова Леонида о том, что заражение могло быть спланировано. Теперь это казалось всё более вероятным.

— Если так, то у корпорации есть доступ к технологиям, которые нам и не снились. И они, возможно, знают о «Плавнике».

— Поэтому нам нужно быть готовыми к худшему. — Леонид появился в дверях. Он выглядел усталым, но собранным. — Дозорные заметили ещё один дрон. На этот раз он пролетел над входом в тоннель и сбросил что-то похожее на датчик.

— Датчик? — Алиса встала. — Это может быть сейсмограф или акустический сенсор. Они пытаются засечь наше местоположение.

— Мы уже приказали всем соблюдать тишину и не выходить на поверхность. Но если они установят сеть датчиков, нам придётся покинуть убежище.

— Куда? — спросил Марк.

— Есть запасные выходы. Один ведёт к старой шахте на другом берегу озера. Другой — в лес, но он завален. Мы можем расчистить.

— А если они уже окружили?

— Тогда будем пробиваться. Но сначала нужно понять, что они сбросили. Есть доброволец, который выйдет ночью и подберёт устройство.

— Я пойду, — неожиданно для себя сказала Алиса.

Все посмотрели на неё.

— Вы? — Леонид покачал головой. — Вы едва держитесь на ногах.

— Но у меня есть преимущество: мои новые сенсорные способности. Я слышу и чувствую то, чего не слышат другие. Я смогу обнаружить датчик быстрее.

— Это опасно. И вы можете выдать нас, если у вас начнётся рецидив.

— Рецидив может начаться в любой момент, независимо от того, выйду я или останусь. Но если мы не узнаем, что за устройство сбросили, мы рискуем всем.

Леонид задумался, переводя взгляд с Алисы на Марка. Тот молчал, но по его лицу было видно, что он не одобряет.

— Хорошо, — наконец сказал Леонид. — Но я пойду с вами. И Марк тоже. Втроём будет надёжнее.

— Когда? — спросила Алиса.

— Как только стемнеет. А пока — отдохните. Вам нужны силы.

Алиса хотела возразить, но поняла, что Леонид прав. Она выключила ноутбук и направилась в свой отсек. Марк шёл рядом, не говоря ни слова.

В отсеке она легла на лежанку, но сон не шёл. Вместо этого она прислушивалась к себе. Левая рука снова начала слабо чесаться, но это было не то, что раньше. Теперь зуд сопровождался странным покалыванием, которое распространялось от запястья к плечу. Алиса закатала рукав и посмотрела: на коже проступили едва заметные светящиеся точки, как будто под эпидермисом зажглись крошечные огоньки.

— Марк, — прошептала она. — Взгляни.

Марк подошёл, осмотрел руку в тусклом свете.

— Это флуоресценция, — сказал он. — Как у той птицы.

— Значит, вирус всё ещё активен. Он не просто выжил, он адаптировался.

— Может, это остаточное явление, не опасное?

— Не знаю. Но мне кажется, я начинаю видеть в темноте. — Алиса огляделась. Действительно, контуры предметов стали чётче, словно включился ночной режим. — Это уже не просто изменения кожи. Вирус затрагивает глаза.

— Тогда тебе срочно нужен плазмаферез.

— Нет, сначала вылазка. Если датчик передаст наши координаты, всё будет кончено. Мы должны успеть.

Она села, стараясь унять дрожь в руке. Ей было страшно, но страх придавал сил. Она не могла позволить себе сломаться сейчас.

Ночь опустилась на «Плавник» быстро, как тяжёлое одеяло. Алиса стояла у входа в запасной тоннель, закутанная в тёмный плащ с капюшоном, и смотрела, как Леонид затягивает ремни на своём рюкзаке. Рядом Марк проверял фонарь с красным светофильтром, стараясь не шуметь. Все трое были напряжены, но внешне спокойны — как хирурги перед сложной операцией.

— Идём быстро, но осторожно, — инструктировал Леонид. — Никаких разговоров, только жесты. Если я поднимаю руку — все замирают. Если дважды хлопаю по бедру — отходим назад. Понятно?

Алиса и Марк кивнули. Она чувствовала, как её левая рука под перчаткой начинает покалывать — то ли от предвкушения, то ли от активирующегося вируса. В темноте она теперь видела почти как днём: контуры стен, мелкие детали, даже пылинки, плавающие в воздухе. Это было жутко и завораживающе одновременно.

Тоннель был узким, вырубленным в скальной породе, с низким сводом, заставлявшим пригибаться. Местами приходилось идти боком, протискиваясь между каменными выступами. Алиса слышала, как где-то впереди капает вода, и этот звук размножался эхом, создавая ложное ощущение, что за ними кто-то идёт.

Через двадцать минут они достигли выхода — замаскированной расщелины, закрытой пологом из сухих веток. Леонид осторожно отодвинул их, выглянул наружу. Луна ещё не взошла, но звёзды давали достаточно света, чтобы разглядеть силуэты отвалов и ржавых конструкций.

— Чисто, — прошептал он. — Движемся.

Они выбрались на поверхность. Воздух был холодным, пахло мокрым камнем и озоном. Алиса вдохнула и почувствовала нечто новое: едва уловимый запах металла и чего-то синтетического, как горелая изоляция. Он доносился откуда-то слева, из-за груды породы.

— Датчик там, — тихо сказала она, указывая направление.

Леонид удивлённо посмотрел на неё, но спорить не стал. Они двинулись в сторону запаха, пригибаясь и стараясь не шуршать гравием. Алиса шла первой, доверяя своим новым чувствам. Ей казалось, что она улавливает даже электромагнитное поле — слабое, но отчётливое, как комариный писк в ушах. Это было похоже на шестое чувство, и от него становилось не по себе.

Через несколько минут они увидели датчик. Он лежал на земле, наполовину зарывшись в щебень: небольшой цилиндр с антенной, мигающий красным огоньком. Вокруг него была выжжена трава — видимо, при падении он нагрелся.

— Акустический сенсор с передатчиком, — прошептал Марк, разглядывая устройство. — Он слушает звуки и передаёт данные на базовую станцию.

— Его нужно отключить, — сказал Леонид, доставая из-за пояса кусачки. — Но, если оборвём провод, они поймут, что мы здесь.

— Тогда унесём его подальше и уничтожим, — предложила Алиса.

— Нет, это займёт время. Проще вытащить батарею.

Леонид осторожно подошёл к датчику, присел и начал осматривать корпус. Алиса в это время оглядывалась, вслушиваясь в тишину. Она слышала, как ветер шелестит сухой травой, как вдалеке кричит какая-то ночная птица. Но был и другой звук — низкий гул, который то усиливался, то затихал. Он шёл сверху.

— Дрон, — выдохнула она. — Прячьтесь.

Все трое бросились к ближайшему укрытию — полуразрушенной бетонной плите, торчащей из земли. Они прижались к ней, стараясь не дышать. Гул нарастал, и вскоре над карьером появился дрон. Он был небольшой, с четырьмя винтами, и двигался медленно, сканируя местность прожектором. Луч скользил по земле, выхватывая из темноты камни, кусты, ржавые обломки.

Алиса почувствовала, как её левая рука сжалась, перья под рукавом встопорщились. Она с трудом подавила желание выскочить и бежать. Марк положил руку ей на плечо, успокаивая.

Дрон пролетел мимо, не заметив их, и скрылся за отвалом. Гул затих.

— Уходим, — прошептал Леонид, но Алиса остановила его.

— Подожди. Датчик всё ещё активен. Нужно его забрать.

— Если мы сдвинем его, дрон может вернуться.

— Тогда отключим на месте. Я знаю, как.

Она подошла к датчику, достала из кармана складной нож и аккуратно поддела крышку. Внутри была плата с микросхемами и небольшой аккумулятор. Алиса нашла разъём и выдернула провод. Огонёк погас.

— Готово. Он больше не передаёт.

— Но базовый передатчик мог зафиксировать потерю сигнала, — заметил Марк.

— Возможно, но это лучше, чем оставлять его работать.

Они забрали датчик — он мог пригодиться для изучения частот, — и двинулись обратно к тоннелю. Вдруг Алиса остановилась.

— Что? — спросил Леонид.

— Я слышу... шаги. Не наши. И запах — звериный.

Все замерли. Тишину ночи разорвал низкий утробный рык. Из-за груды породы появилось существо: огромное, на четырёх лапах, с вытянутой мордой и светящимися глазами. Его тело было покрыто костяными наростами, как у броненосца, а на спине топорщились короткие шипы. Оно принялось и медленно двинулось к ним.

— Не бежим, — тихо сказал Леонид. — Резкие движения спровоцируют атаку.

Алиса стояла, не сводя глаз с твари. Она чувствовала, как её левая рука снова начала трансформироваться: коготь выдвинулся, перья на плече напряглись. Но на этот раз она попыталась не бороться, а направить эту энергию в нужное русло. Она представила, как её тело становится сильнее, быстрее, готовым к прыжку.

Существо сделало шаг вперёд. Марк потянулся к ножу, Леонид — к пистолету. Алиса подняла левую руку, выставив коготь вперёд.

— Не стреляйте, — прошептала она. — Оно не нападает. Оно охраняет территорию.

— Откуда ты знаешь? — спросил Марк.

— Не знаю. Чувствую.

Существо остановилось в нескольких метрах, раздувая ноздри. Затем оно медленно отступило, пятясь в темноту, и растворилось среди камней.

Алиса выдохнула. Коготь начал втягиваться, но она почувствовала головокружение.

— Это было... странно, — пробормотала она.

— Ты говорила с ним? — удивлённо спросил Леонид.

— Нет. Просто поняла, что оно не заинтересовано в драке. Возможно, мои новые гены позволяют считывать феромоны или позы.

— Или ты просто угадала, — мрачно заметил Марк.

— Какая разница? Мы живы.

Они вернулись в тоннель. Алиса шла последней, чувствуя, как силы покидают её. Каждый шаг давался с трудом, но она заставляла себя двигаться. В голове пульсировала мысль: вирус прогрессирует, и она должна успеть найти решение.

В убежище они вернулись через тот же запасной тоннель, но уже без прежней уверенности. Алиса едва держалась на ногах: ноги подкашивались, в висках стучало, а левая рука горела так, будто её снова обдало кипятком. Она знала, что вирус активизировался, и каждая минута промедления приближала её к точке невозврата.

Давид ждал их в смотровой. Увидев Алису, он молча уложил её на кушетку и начал осмотр. Её рука успела измениться: чешуя снова проступила на предплечье, а у локтя выросли короткие, но плотные перья, светящиеся в темноте бледно-синим. Коготь на большом пальце не втягивался полностью, торчал на полсантиметра, острый и блестящий.

— Плазмаферез, — коротко сказал Давид, обернувшись к Леониду. — Немедленно. Приготовь центрифугу и плазму.

Леонид кивнул и вышел. Марк остался рядом с Алисой, держа её за здоровую руку.

— Ты справишься, — говорил он, но голос его дрожал. — Просто держись.

Алиса попыталась улыбнуться, но получился лишь слабый оскал. Она чувствовала, как по венам бежит что-то чужое, как мышцы сокращаются против её воли. Внутри рос страх — не за жизнь, а за разум. Она боялась, что в какой-то момент перестанет узнавать себя.

Плазмаферез был примитивным, но действенным. Алисе ввели катетер в вену, кровь пошла по трубке к центрифуге, где отделялась плазма, а клетки возвращались обратно с замещающим раствором. Процедура заняла около двух часов. Алиса то проваливалась в забытие, то выныривала, ловя обрывки разговоров.

— Вирусная нагрузка падает, — слышала она голос Давида. — Но это временно. Если не найдём способ подавить репликацию, через сутки будет рецидив.

— Мы можем повторить плазмаферез? — спрашивал Марк.

— Да, но донорская плазма заканчивается. И это не лечение, а лишь отсрочка.

Алиса попыталась заговорить, но губы не слушались. Она лишь сжала руку Марка, давая понять, что слышит.

К утру её состояние стабилизировалось. Вирусная нагрузка снизилась до шестидесяти копий на миллилитр, перья частично выпали, чешуя побледнела. Но Алиса знала: это не победа. Вирус ушёл в латентность, но не исчез. Он ждал.

Она лежала, обессиленная, но уже могла мыслить ясно. Мысли крутились вокруг одного: как уничтожить вирус, не убив себя? Или, по крайней мере, как держать его под контролем достаточно долго, чтобы найти лабораторию.

Леонид принёс ей жидкий суп и заставил съесть несколько ложек. Затем он сел рядом и достал датчик, который они сняли ночью.

— Мы изучили устройство, — сказал он. — Это акустический сенсор с GPS-передатчиком. Он записывает звуки в радиусе ста метров и передаёт данные каждые шесть часов. Если такие датчики разбросаны по всему карьеру, корпорация может составить карту наших передвижений.

— Они уже знают, что мы здесь? — спросила Алиса.

— Не факт. Датчик, который мы сняли, был единственным на ближайшем участке. Но они могли установить и другие, глубже. Нам нужно проверить периметр.

— И что потом? Уходить?

— Возможно. Но сначала я хочу понять, что за частота у передатчика. Если мы сможем перехватывать сигналы, мы узнаем, что они замышляют.

Алиса посмотрела на датчик. Её мозг, измученный болезнью, всё же начинал работать с прежней остротой.

— Можно использовать его как приманку, — сказала она. — Если мы отправим ложный сигнал, корпорация решит, что мы в другом месте.

— Это сложно. Нужен передатчик той же частоты и знание протокола. Но у нас есть специалист по электронике — парень по имени Клим. Он раньше работал на военных. Может, сможет.

— Отлично. Пусть займётся. А я пока попробую продолжить анализ вируса. Возможно, удастся найти способ отключить его репликацию.

— Вам нужно отдыхать, — возразил Давид, подошедший с ампулой какого-то лекарства.

— Я отдохну, когда буду уверена, что не превращусь в птицу. — Алиса попыталась сесть, но голова закружилась, и она снова опустилась на подушку.

— Сначала выпейте это, — Давид вручил ей стакан с мутной жидкостью. — Отвар из местных трав, подавляет воспаление и снижает температуру.

Алиса выпила, поморщилась от горечи. Через несколько минут её начало клонить в сон. Она сопротивлялась, но веки тяжелели.

— Я должна... — прошептала она и провалилась в темноту.

Она проснулась в сумерках. В отсеке было тихо, только где-то капала вода. Алиса лежала на лежанке, укрытая старым одеялом. Рядом, на стуле, сидел Марк и читал что-то с потрёпанного планшета.

— Сколько времени? — спросила она хриплым голосом.

— Восемь вечера, — ответил он, откладывая планшет. — Ты проспала почти двенадцать часов.

— Как рука?

— Посмотри сама.

Алиса откинула одеяло и взглянула на левую руку. Она была почти нормальной: шрамы побледнели, перьев не осталось, только лёгкая синеватая сетка под кожей напоминала о недавнем кошмаре. Коготь на большом пальце полностью исчез.

— Плазмаферез помог, — констатировала она.

— Да, но Давид говорит, что нужен более долгосрочный план. Вирус адаптируется.

— Я знаю. Пока я спала, мне снились... разные вещи. Будто я видела мир глазами вируса.

Он не хочет убивать меня — он хочет использовать меня. Как транспорт.

— Это просто сон.

— Возможно. Но есть и рациональное объяснение: вирусные белки могут влиять на нейромедиаторы, вызывая галлюцинации. Нужно продолжать исследования.

Она встала, чувствуя слабость, но уже вполне сносно. Марк помог ей дойти до лаборатории.

Давид уже был там и работал с образцами крови. Увидев Алису, он коротко кивнул.

— Уровень вирусной нагрузки — сорок копий. Почти норма. Но это не значит, что вы здоровы. Латентный вирус способен реактивироваться при стрессе или УФ-облучении.

— Я понимаю. Поэтому мне нужно найти способ либо уничтожить его, либо держать под контролем.

Алиса села за компьютер и открыла файлы с результатами секвенирования. Она снова погрузилась в анализ, стараясь не отвлекаться на слабость.

Через час она нашла нечто интересное.

— Давид, Марк, посмотрите сюда. — Она развернула экран. — В геноме вируса есть участок, который отвечает за реактивацию из латентного состояния. Он чувствителен к ультрафиолету определённой длины волны — той самой, что проникает сквозь озоновые дыры. Если заблокировать этот участок, вирус не сможет выходить из спячки.

— Как его заблокировать? — спросил Давид.

— Нужны малые интерферирующие РНК или антисенс-олигонуклеотиды, нацеленные именно на этот фрагмент. Тогда вирус останется в латентной форме и не будет размножаться.

— Но это не уничтожит его, — заметил Марк.

— Верно. Но даст нам время. Я смогу жить с этим вирусом, если он не активен. А потом, в нормальной лаборатории, разработаю полный протокол элиминации.

— Звучит логично. Но где взять эти siRNA?

— Вот в чём проблема. — Алиса откинулась на спинку стула. — Без синтезатора мы не сможем их создать. Но есть другой путь: использовать мой собственный иммунитет. Если ввести в организм фрагменты вирусной РНК, иммунная система может выработать антитела к ним. Это вакцинация, но наоборот — против собственного вируса.

— Это может сработать, — задумчиво произнёс Давид. — Но рискованно. Иммунная система может атаковать не только вирус, но и заражённые клетки, вызывая массивное воспаление.

— Риск оправдан. Если не сделать этого, вирус снова активизируется, и тогда мне конец.

Она посмотрела на Марка, ища поддержки. Он кивнул.

— Я согласен, но только если мы сделаем это поэтапно, под контролем. Сначала малые дозы, потом увеличение.

— Тогда нужно подготовить антиген. Я могу синтезировать фрагмент РНК вручную, если найду нужные нуклеотиды.

— В лаборатории есть набор для ПЦР, возможно, есть и олигонуклеотиды для праймеров, — сказал Давид. — Но синтез РНК без автоматического синтезатора — сложная задача.

— Попробуем. Если не получится, будем искать другие пути.

Алиса снова повернулась к компьютеру и начала искать в базе данных последовательности, которые можно использовать. Она чувствовала, как в ней просыпается азарт учёного, и это придавало сил.

Но в глубине души она знала, что времени всё меньше. Дроны корпорации, вирус в её крови, нарастающее напряжение в убежище — всё это сжималось вокруг неё, как кольцо удава. И ей нужно было успеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.